ИОЛАН НЕЙФЕЛЬД

ДОСТОЕВСКИЙ

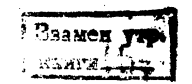
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. З. ФРЕЙДА

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
Я. ДРУСКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЕТРОГРАД"
ЛЕНИНГРАД—МОСКВА
1925

Ленинградский Гублит № 8803. 6 лист. Тираж 2000 экз.

Государственная Типография в ар. М. Волковича. Улица 3 Июля, 60.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Книжка И. Нейфельда о Достоевском принадлежит к серии работ, издаваемых под общей редакцией венского ученого, профессора Зигмунда Фрейда—основателя психоанализа.

Что такое психоанализ?—На этот вопрос люди, равно компетентные, доныне отвечают весьма противоречиво. Одним из них психоанализ представляется вредным шарлатанством, другие—относят его к числу величайших научных завоеваний нашего века.

Мы не решаемся всецело примкнуть ни к хулителям, ни к поклонникам психоанализа. Мы видим в нем лишь опыт, весьма интересный и достойный серьезного внимания, но вместе с тем еще далеко не завершенный и до сих пор не увенчавшийся полным успехом.

Постараемся здесь вкратце очертить сущность задания, которое стоит перед авторами этого опыта.

Сумма физических и психических качеств, образующих каждую данную человеческую индивидуальность, создается в результате взаимодей-

ствия многих и разнообразных факторов: прирожденных физиологических и анатомических особенностей, условий питания, многообразных воздействий физической среды, наконец влияний, определяемых принадлежностью к определенному социальному классу, партии, государству, исторической эпохе; коротко говоря—всем, что носит наименование общественной среды.

Поэтому, человек может быть объектом весьма многих научных дисциплин: биологии, с ее подразделениями с одной стороны, психологии—с другой, социологии, политической экономии и истории—с третьей.

Однако, все перечисленные науки имеют обобщающий, генерализующий характер, и когда мы приближаемся к живому и конкретному человеческому существу с мерилами этого рода, то по большей части от нас ускользает нечто, не укладывающееся в рамки этих широко планированных схем. В результате наиболее тщательного изучения личности получается иррациональный, неразложимый остаток, и таким образом, зарождается препятствие, на которое одинаково наталкивается врач, пользующий пациента, и историк, изучающий биографию исторического деятеля.

Психоанализ Фрейда представляет собою попытку разгадать тайну личности при помощи тщательно разработанного и, в основах своих, вполне научного метода. Ключ к иррациональному началу человеческой природы Фрейд видит в сексуальной сфере.

Психоанализ первоначально возник в психиатрической клинике и в настоящее время с бо́льшим успехом применяется для диагноза и лечения целого ряда нервных и душевных заболеваний. Русские учено-медицинские круги, с отличающим их несколько боязливым консерватизмом, до сих пор относились к этому движению весьма недоверчиво [1]. Но на Западе—особенно в Германии, Англии и в С. Америке—медицинский психоанализ процветает и порою, как говорят, дает почти чудодейственные результаты.

Но основатели психоанализа не пожелали ограничиться пределами психопатологии. Они скоро заметили, что открытый ими метод допускает применение всюду, где приходится иметь дело с индивидуальной и даже коллективной личностью и ее творчеством. После этого Фрейд написал ряд весьма интересных этюдов о символике сновидений, о Леонардо-да-Винчи, о первобытных мифах, об анекдоте и каламбуре и т. п. Его последователи усердно принялись разрабатывать весь круг соответствующих тем, и Достоевский был включен сюда с полным правом.

Великий русский писатель не в первый раз привлекает к себе внимание психиатров, и нельзя сказать, чтобы выводы этих последних были лишены всякого интереса для исследователя, изучающего биографию и литературную деятель-

---

[1]) Осторожность русских врачей в значительной мере должна быть оправдана: действительно, психоанализ зачастую применяется и в современной Европе так, что создает широкий простор для шарлатанства и злоупотреблений.

ность Достоевского с обычной историко-литературной точки зрения. Но неизменно наступает такой момент, когда историк и биограф испытывает соблазн сказать: «Довольно! Не дальше этого!»—специалистам, оперирующим медицинским и психиатрическим арсеналом. С тем же предупреждающим восклицанием нельзя не обратиться к представителям психоанализа.

Всякое новое научное течение, особенно в первый, боевой период своего существования, когда ему приходится бороться за право на жизнь, почти неизбежно впадает в крайности и преувеличения. Тенденцию эту легко понять и оправдать, но все же здесь необходимы многочисленные оговорки и исправления.

Нейфельд делает попытку объяснить всю жизнь и конструировать все творчество Достоевского, исходя из его сексуальности. Все образы его романов он сводит к «комплексу Эдипа». Нам подобная точка зрения представляется совершенно несостоятельной.

Достоевского, как и всякого писателя, нельзя изучать, не принимая во внимание исторической обстановки, социального уклада тогдашней России, а также борьбы литературных школ и идейных направлений. Данные этого рода дают для понимания творчества Достоевского несравненно больше, нежели все ухищрения психоанализа.

Но нельзя не признаться, что названные данные еще не содержат всего, что нам желательно знать о писателе. Сохраняется тот

иррациональный остаток, о котором говорено выше. И вот, для уразумения этого остатка, нельзя пренебрегать помощью психоанализа.

Книжка Нейфельда, при всей своей односторонности, может явиться полезным дополнительным пособием для уяснения личности и творчества Достоевского. Но большой ошибкой было бы принять без критики все ее выводы.

П. Губер.

В 1921 г. исполнилось сто лет со дня рождения Достоевского.

Дочь писателя Любовь Достоевская издала к этому юбилею свои воспоминания о знаменитом отце [1]. Для психоаналитика они не имеют большого значения, так как Любовь Достоевская все свойства и особенности Достоевского объясняет тем, что он происходил из литовской семьи, следовательно, в его жилах текла норманская кровь. Это натянутое объяснение отцовского характера совершенно неудовлетворительно, даже нелепо, в виду продолжительности времени; тем не менее книга имеет большую заслугу, так как выясняет семейные отношения писателя.

При внимательном отношении к своеобразным условиям жизни Достоевского, столь деятельной и богатой событиями, станет ясным, что

[1] „Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской". Мюнхен. 1920.—Русский перевод вышел в издании Госиздата.

они должны были породить противоречивый и загадочный характер.

С удивлением спрашиваешь, почему человек, так лояльно настроенный, как Достоевский, принимает участие в заговоре против царя?

Как можно быть глубоко религиозным и, вместе с тем, абсолютно неверующим?

Почему человек, всем своим существом привязанный к родной земле, месяцы, даже годы проводит за границей?

Откуда эта беспрестанная погоня за деньгами, чтобы затем выбрасывать их за окно, как почти не имеющие никакой цены?

Как жизнь, так и творчество Достоевского загадочны. Загадочные характеры, сбивающиеся с пути извращенцы, таковы герои его романов; они задают вам одну загадку за другой, неразрешимые психологией сознательного (Bewusstsein psychologie).

Но волшебный ключ психоанализа раскрывает эти загадки и проливает свет на характер и творчество Достоевского. Точка зрения психоанализа разъясняет все противоречия и загадки: вечный Эдип [1]) жил в этом человеке и создавал эти произведения; это был человек, никогда не преодолевший свой комплекс Эдипа.

---

[1]) Комплекс Эдипа—желание ребенка устранить отца (у девочки—мать) и стать вместо него мужем (или женою) своей матери (у девочки—отца), т. к. первый объект сексуального влечения всякого ребенка,—по мнению психоаналитиков—родитель другого пола. (Прим. переводчика).

Семейные отношения Достоевского дали достаточно поводов к тому, чтобы впечатлительного ребенка, с неограниченным эгоизмом, каким был писатель по собственному признанию, сделать Эдипом. Его мать была дочерью небогатого московского купца. Достоевский говорит, что она была воплощением преданности, снисходительности, терпения и самопожертвования. Это—добродетели супруги, и Любовь Достоевская рассказывает, что муж воспитал молодую жену, относившуюся к нему с глубоким уважением. Нежное здоровье и прогрессирующий туберкулез заставили ее слечь в постель; ее дети были вскормлены кормилицей, за исключением старшего сына Михаила, которого она кормила сама и, по ревнивым замечаниям писателя, любила больше других. Тем не менее писатель иногда часами сидел у ее кровати, заботился, развлекал ее и читал ей вслух. Таким образом, Достоевскому пришлось разделять любовь матери с двумя более счастливыми конкурентами — отцом и братом. Отец Достоевского оказал на развитие его характера несравненно большее влияние. Михаил Достоевский может быть исчерпывающе охарактеризован одним понятием, выдвинутым психоанализом: он был анальный характер. Горячий, вспыльчивый, ворчливый, педантичный, мелочный, при этом еще болезненно скупой.

После рано последовавшей смерти жены он все более и более предается пьянству и при этом все яснее выступают садистские черты его

характера. Он преследует свою дочь недостойной подозрительностью, своих сыновей недоверием, злобой и алчностью; бросает свое место главного врача в Мариинской больнице в Москве и переезжает в родовое имение Даровое. Здесь он довел своих крепостных, с которыми всегда обращался жестоко, до такого состояния, что они наконец отомстили ему: раз отправился он в другое имение — Чермашню, кучер скрылся с коляской, хозяина же нашли в канаве задушенным. Крестьяне на допросе говорили, что это был акт мести. Каков бы ни был характер отца, все же следует отметить, что воспитанием своих детей Михаил Достоевский занимался с большим усердием. Воспитание, которое он им дал, было достаточным. Мальчики посещали сперва пансион Сюшара, потом частное училище Чермака, так как там обучение было поставлено лучше. Мальчиков в коляске отвозили в школу, и в коляске же они возвращались назад домой. В произведениях Достоевского мы не находим ни одного точного описания родного города, так как Достоевский даже не знал его. Сношения со сверстниками, шумные игры были строго запрещены. Только вечером в сопровождении родителей дети ходили гулять в ближайшую Марьину рощу. Отец ведет их кривыми закоулками в рощу, чтобы сделать наглядным для детей понятие о математическом угле. Встречающиеся по дороге камни и растения дают повод к ботаническим и минералогическим беседам. Вечером отец читает вслух рус-

скую историю Карамзина, священное писание или жизнеописания бесчисленных русских святых. Латинский язык преподает сам отец. Тогда как на уроках других учителей дети занимались сидя, на уроках отца они должны были стоять, даже не опираясь, «как маленькие болванчики», говорит в своих воспоминаниях Андрей, младший брат писателя—они дрожат перед гневными вспышками отца. И Достоевский делил судьбу многих людей, отец которых в то же время и учитель; отцовский авторитет, усиленный авторитетом учителя, настолько привязывал мальчика к отцу, что он никогда уже не мог освободиться от этой связи. Маленький мальчик страстно ненавидит своего отца, более счастливого конкурента перед матерью, как мы это узнаем позже, но тот же отец для него высочайший идеал, к которому он стремится в продолжение всей жизни, даже не надеясь его достигнуть.

Зависимость от отца ясна из многих источников, прежде всего из писем, которые он пишет отцу из Инженерного училища. Как чиновнику, старику Достоевскому были предоставлены вакансии для его сыновей в государственных учебных заведениях. Воспитанники безвозмездно получали там все необходимое, но повидимому в России, стране Потемкина, воспитание поставлено не блестяще. Достоевский рассказывает в полных отчаяния письмах к отцу и брату о лишениях, которые он переносил в Инженерном училище. Во время осенних военных упражнений

он не мог переменить промокших от дождя сапог, так как у него не было второй пары. Он заболевает от голода и холода и не имеет ни копейки, чтобы согреться глотком чая. Одежда плохо защищает его от непогоды. Хотя ему и известно, что материальное положение отца далеко не плохое, так как он владеет двумя имениями, кроме того у него отложен порядочный капитал, и несмотря на озлобленность, он пишет не только почтительно, но и почти униженно. «Дорогой отец», пишет он ему, рассказав о своем ужасном положении: «не подумайте, что ваш сын, обращаясь к вам за денежной помощью, просит не о чем-либо необходимом. Тем не менее из внимания к вашей нужде, я откажусь от чая». Несмотря на вспыльчивый характер, он не шлет отцу ни малейшего упрека, как он ни страдает от его скупости.

О громадном уважении писателя к своему отцу рассказывает нам и Андрей Достоевский. Когда он раз говорил с писателем об отце, уже в зрелом возрасте, тот схватил брата за руку, он это делал, когда очень волновался, это случалось редко, и вскричал: «Ах, брат, это были замечательные люди и такими мужьями, такими главами семейств мы никогда не будем». Нужно вспомнить, как мучил этот отец своих сыновей строгостью и скупостью, свою дочь недостойной подозрительностью, всю свою семью брюзгливым и вспыльчивым характером; только инфантильно [1])

[1]) Инфантилизм — бессознательное проявление у взрослого признаков детской сексуальности. (Примеч. переводчика).

отставшему невротику такой отец может показаться недостижимым идеалом. Все воспоминания об отцовском доме проникнуты тем же аффектом, что отметил и Мережковский о дневнике писателя.

Быть таким же главой семейства, как и его отец—самое большое желание писателя, не покидающее его всю жизнь. Когда он женится первый раз на вдове с ребенком, он несказанно радуется тому, что «удостоился высокой чести стать отцом». Рано умерший брат Михаил оставил многочисленную семью. Писатель берет на себя все их долги, помогает жене, даже больше, чем позволяют ему его материальные средства. Но за это он хочет быть неограниченным повелителем этой семьи, противится браку обеих девушек, мальчикам дает предписания относительно их будущности и занятий, словом, повторяет своего отца.

Но не только великодушие и братская любовь толкали его на эту большую жертву; в это же время бедствовала его собственная семья, наконец он сам, в припадке азарта, спускал в игорном доме последнее теплое платье жены. Своих товарищей в тюрьме он наставляет, как позже, солдат в Семипалатинске, с которыми вместе служил, он как бы их отец. Заметнее всего становится это подражание отцу, когда он начинает воспитывать своих собственных детей. Они учат ту же молитву, что и он учил ребенком, и он с нетерпением ждет времени, когда начнет читать им вслух, как читал ему

отец. Его дочь остроумно рассказывает в своих воспоминаниях, как ей и ее младшему братишке, т.-е. пяти и шести-летним детям, отец читает «Разбойников» Шиллера. Дети инстинктивно чувствуют, как важно для отца это чтение, с судорожным усилием пробуют оставаться бодрыми и со вниманием слушать. В конце концов большое дитя Достоевский все же понял, что для таких экспериментов дети еще слишком малы.

Две подробности отмечает и Любовь Достоевская, которая правильно понимает их, как влияние отца. Она отмечает пристрастие старого Достоевского к французскому языку, которое перенимает и сын, поэтому герои в романах Достоевского пересыпают русский язык французскими словами. У русских писателей это часто бывает и не требует никакого объяснения, герои Тургенева или Толстого—интернациональные люди, у Достоевского же французский язык употребляют те из героев, кто изображает отца, как например, отец из «Подростка», или старик Карамазов и т. д.

Вторая подробность, отмечаемая Л. Достоевской, тоже характерна. Строгое обращение и отсутствие любовного отношения к ученикам было для нашего писателя источником постоянных обид в Инженерном училище. Но когда ученики протестовали против такого обращения, Достоевский был единственным, не принимавшим участия в протесте. Перенесение на учителя отцовского образа пересилило возмущение против строгого обращения и чувство солидарности.

Ненависть к отцу проявляется еще чаще. Любовь Достоевская рассказывает, что долгое время писателю было так тяжело вспоминать об отце, что он не в силах был говорить о нем. Всю амбивалентность [1]) мальчика Достоевский изображает в романе «Подросток». Орест Миллер и Мережковский ставят и эпилепсию писателя в связь с его враждебным чувством к отцу. О. Миллер, останавливаясь на болезни Достоевского, говорит очень неясно и сдержанно: «Существует своеобразное предание, связывающее болезнь Достоевского с потрясающим событием в семейной жизни родителей, когда Достоевский был еще совсем маленьким ребенком. Хотя мне сообщил это человек, близко стоящий к семье писателя и вполне заслуживающий доверия, я не буду повторять его». Строгое молчание биографов повинно в том, что мы до сих пор не знаем психической травмы [2]), на которую он так сильно реагировал. Если же мы вспомним, что Орест Миллер вообще слишком сурово относится к сексуальности Достоевского и что в нашем обществе сексуальные вопросы считаются неприличными и не подлежащими обсуждению, мы сможем с некоторой вероятностью предположить, что и в «жизни богобоязненой русской семьи» — как ее называет сам Достоевский, мы имеем дело с таким же случаем.

С враждебным отношением к отцу могут быть поставлены в связь два истерических симп-

---

1) Амбивалентность—двойственность, противоположность.
2) Травма—повреждение.

тома Достоевского в детском и отроческом возрасте. Андрей Достоевский рассказывает, что его брат приблизительно десяти лет страдал волкофобией [1]). Весьма вероятно, что боязнь животных воспринималась, как страх перед отцом, в особенности, если мы вспомним, что робкий мальчик страдал этой галлюцинацией: «волк идет!» в Чермашне, где не было отца, и где он жил в своих играх и мечтах, свободный от всяких обязанностей. Теперь мальчику не приходилось разделять материнскую нежность с другим конкурентом, которого он боялся; это подтверждает наше предположение, что боязливый крик «волк идет!» был в сущности страхом перед отцом, который может притти и нарушить эту идиллию летней жизни. Чермашня была тем местом, где мальчик часто предавался инцестуозным [2]) фантазиям. Это доказывает также роман «Братья Карамазовы»—в день убийства сын едет в Чермашню, чтобы издалека не мешать убийству отца.

Другой истерический симптом относится ко времени совершеннолетия Достоевского, сразу же после смерти матери, следовательно, к шестнадцатому году его жизни.

Во время поездки в церковь он вдруг потерял способность речи, а затем мог говорить только с большим усилием, шепотом. Для объяснения может быть приведена хрипота пациентки

---

[1]) Фобия—боязнь.

[2]) Инцест—кровосмешение. Инцестуозным влечением психоаналитики называют комплекс Эдипа.

Фрейда Доры. Как и Дора, может быть, наш писатель ни с кем не хотел больше говорить, после смерти единственного человека, которого он любил, и с кем уже не мог говорить. Может быть, и сопротивление отцу было причиной этой болезни. Фрейд правильно думает, что всякий имеет в своем бессознательном инструмент, при помощи которого он проникает в бессознательное другого, и так как отец Достоевского полагал, что он вылечит, и отчасти действительно вылечил, изолировав его от остальных членов семьи, мы можем предположить, что он бессознательно оценивал болезнь сына, как возмущение и сопротивление.

Насильственная смерть отца вызывает в его душе, слишком связанной с отцом и разрывающейся между любовью и ненавистью, сильное потрясение. Любовь Достоевская передает нам семейную традицию, по которой первый эпилептический припадок случился с писателем в тот момент, когда ему сообщили о трагической смерти отца. Если это и не так, если первый припадок, опираясь на Ореста Миллера, надо отнести к раннему детству, все же несомненно, что на известие о смерти отца Достоевский реагировал сильными припадками. Что эти припадки связаны с пережитым после горестного известия шоком [1]), доказывает рассказ товарища Достоевского Григоровича, с которым он вместе учился в Инженерном училище и вместе жил по окон-

[1]) Шок—первое повреждение.

чании училища. Григорович рассказывает, как они, гуляя раз вместе, случайно встретили похоронную процессию. Едва увидев процессию, Достоевский хотел повернуть назад, но сейчас же с ним приключился особенно сильный припадок, от которого он едва оправился. Внезапно появившиеся для сознания бессознательные чувства ненависти и мести против отца были так сильны, что цензура сознания могла защищаться от них только при помощи глубокого обморока.

Трудно решить, были ли у Достоевского эпилептические или истеро-эпилептические припадки. Во всяком случае в это же время мы находим у него целую массу других истерических симптомов, коренящихся тоже в комплексе Эдипа. Частота и интенсивность припадков изменялась в течение жизни и зависела от различных причин; сам писатель относит начало эпилепсии к жизни в тюрьме, считая болезнь молодости только истерией. Наконец, домашний врач писателя, доктор Яновский, очень умный и любимый писателем, который часто с ним совещался, утверждал, что Достоевский страдал в молодости болезнью, очень похожей на эпилепсию, но не самой эпилепсией. И Любовь Достоевская говорит, что за несколько лет до заключения писатель стал крайне истеричным.

Характерные особенности этой болезни частью рассказывает сам писатель, частью дают нам заслуживающие доверия сведения друзья и члены семьи. Последние говорят, что писатель долгое время боялся быть заживо погребенным.

Вечером, ложась спать, он оставлял записку такого содержания: «Сегодня я впаду в летаргический сон. Похороните меня не раньше, чем через пять дней». Психоанализ объясняет этот таинственный страх невротика, как инцестуозную фантазию. Кроме этого мучительного страха на двадцатом году у писателя бывали еще припадки ипохондрии. Он сам говорит об этом в защитительном показании суду: «Половина моего времени была заполнена работой, которой я жил, другая половина — ипохондрическими припадками». Но ипохондрией и боязнью скоро умереть страдают только те из невротиков, кто пожелал смерти своему ближнему, при чем смерть вскоре после этого действительно наступила.

Не только эти истерические симптомы, но и вся сексуальная жизнь Достоевского к совершеннолетию и годам юности носит печать инцестуозной связи. Близкие знакомые и родственники писателя утверждают, что он был вполне асексуален, например, его дочь передает нам семейное предание, согласно которому писатель оставался воздержным до сорока лет. Она находит это вполне возможным и объясняет этот феномен тем, что мужчины севера вообще созревают медленнее, эпилептики же имеют еще более медленное развитие, так что ее отец достиг полной половой зрелости именно к этому возрасту. Доктор Ризенкампф, врач из Ревеля, которого рекомендовал писателю старший брат Михаил и с которым он долгое время вместе жил, хороший товарищ и, как кажется, в неко-

торых случаях хороший наблюдатель, пишет по этому же поводу: «В двадцать лет молодые люди засматриваются на хорошеньких женщин. Ничего подобного нельзя было заметить у Достоевского. Он безразличен к женщинам, чувствует к ним почти отвращение». Любовь Достоевская также сообщает, что друзья часто высмеивали отца за его отдаленность от женщин. Друзья, в особенности Тургенев, смеясь, говорили, что он упал бы в обморок, если бы ему случилось обнять женщину.

Но при этом не мало указаний и на распутную и извращенную (perverses) половую жизнь Достоевского, как раз в это же время. После своего первого большого успеха, он пишет брату в крайне легкомысленном тоне: «Все эти Минночки, Кларочки и Марьяночки так похорошели, что трудно себе представить, но стоят страшно много. Тургенев и Белинский, как следует, выбранили меня за беспорядочную жизнь». 1 февраля 1846 г. снова пишет он брату: «Я заработал кучу денег, так что в короткое время прожил три тысячи рублей. Дело в том, что я живу сейчас очень беспорядочно» и в приписке добавляет: «я так распутен, что уже не могу жить нормально, я боюсь тифа или лихорадки. И нервы больны». Хотя благочестивый и немного ограниченный биограф Орест Миллер уверяет, что эта распутность и беспорядочность относятся только к материальным делам, сомнения и ипохондрия едва ли оправдывают такое толкование.

Подобное же самообвинение видит Мереж-

ковский в исповеди героя «Записок из подполья», которого писатель заставляет говорить следующее: «И вдруг я погружался в темный, подземный, гадкий—не разврат, а развратишко. Страстишки во мне были острые, жгучие от всегдашней болезненной моей раздражительности. Порывы бывали истерические, со слезами и конвульсиями». (И действительно у Достоевского в это время бывали истерические припадки невероятной силы). «Накипала сверх того тоска; являлась истерическая жажда противоречий, контрастов» (мы понимаем это как стремление изжить вытесняемые перверзные побуждения, выявить вытеснения [1]) и сублимации [2])— «вот я и пускался развратничать. Развратничал я уединенно, по ночам, потаенно, боязливо, грязно, со стыдом, не оставлявшим меня в самые омерзительные минуты и даже доходившим в такие минуты до проклятия».

Мережковский несомненно прав, рассматривая эти строки, как исповедь, самообвинение и самобичевание в литературной форме, и мы стоим перед загадкой—близкие к писателю люди считают его то асексуальным, то извращенным и распутным—и то, и другое как будто бы пра-

---

[1]) Вытеснением (Verdrängung) психоаналитики называют аффект не пережитый нами до конца, вследствие внешних условий или моральных убеждений и вытесненный цензурой сознания в бессознательное. Вытесненный аффект или просто вытеснение, стремясь к проявлению, вызывает истерические симптомы.

[2]) Сублимация (Sublimierung)—изменение направления аффекта. Вытесненный аффект (а психоанализ считает первоначальными сексуальные аффекты) может быть изжит в иной (не сексуальной) области. (Примечания переводчика).

вильно. Но психоанализ может объединить воздержание, даже полную импотентность Достоевского-юноши и взрослого мужа с более чем сильным сексуальным желанием. В «Beiträgen zur Psychologie des Liebeslebens» Фрейд пишет, как будто он имел перед глазами нашего писателя, что два направления любви, создающие вместе нормальную любовь—телесное и сердечное, у инцестуозно связанных не совпадают после интенсивного действия инфантильного объекта. Интенсивность так велика, что сердечное влечение надолго приковывается к инфантильному объекту. Сексуальная деятельность таких людей должна уступить место сердечному влечению и наступает ограничение в выборе объекта. Оставшаяся активной чувствительность ищет объекта, который не напоминал бы о запрещенных инцестуозных лицах. Любовная жизнь таких людей расходуется в двух направлениях, которые символизируются искусством, как земная и небесная любовь. Где они любят, там не желают, а где желают, там не могут любить.

Лучше нельзя охарактеризовать сексуальное чувство Достоевского, как этим классическим определением психической импотенции. В жизни писателя был период, к этому времени и относятся шутки друзей, когда он был абсолютно импотентен. Бессознательная зависимость от матери так сильна, вытеснение инцестуозных желаний так полно, что эти желания могли проявиться только в виде истерических симптомов, напр., боязни быть заживо погребенным. Позже

пришли Кларочки, Минночки и Марьяночки, которых он мог желать, но не любить. Мы знаем это не наверное, хотя и можем сослаться на показания Л. Достоевской и самого писателя. Несомненно одно: в произведениях Достоевского нигде не встречаются вместе оба рода любви. Он признает либо неземную, целомудренную любовь, способную на безграничное самопожертвование, подчинение всякого эгоистического сексуального влечения, как например Девушкин в «Бедных детях», херувим Алеша Карамазов, князь Мышкин в «Идиоте», либо обратное—сладострастное животное в человеке с извращенными, дикими, зверскими страстями, гадины по его выражению, как Свидригайлов в «Преступлении и наказании», старик Федор Карамазов или Ставрогин в «Бесах». Эти низшие страсти и извращения он рисует с такой силой и смелостью, с такой наглядностью, что даже Мережковский, которому чужд метод психоанализа, с сомнением спрашивает: «Узнал ли он это только через наблюдение других людей? Разумеется, многое нужно здесь приписать ясновидению гения. Многое, но разве все? Здесь есть нечто, переходящее границы искусства, слишком живое». «Замечателен»—говорит Мережковский в другом месте—«уже тот факт, что его фантазия могла создать такие образы, что Достоевский проявил интерес к растлению маленькой девочки или к любовному приключению Федора Карамазова со смердящей Лизаветой».

Мы можем только согласиться с замечаниями тонкого психолога и, опираясь на результаты психоанализа ответить, что писатель ничего иного и не может изобразить, как свои собственные бессознательные конфликты. И если Достоевский изображает неземную святость с одной стороны и пучины сладострастья с другой, он обнаруживает этим противоречие своей собственной жизни, свое бессознательное, разрываемое дикими страстями, сильными вытеснениями и грандиозными попытками сублимации, которую никогда не удается довести до конца.

Бессознательная и потому полная фиксация к матери, характерна для психосексуальной жизни Достоевского ко времени совершеннолетия и первым годам второго десятилетия его жизни. Асексуальность героя «Бедных людей» и паранойная [1]) эротомания (paranoisch gefärbte Erotomanie) господина Голядкина из «Двойника» объясняют нам состояние писателя в сексуальном отношении. Но не только инцестуозная привязанность к матери противодействует изживанию сексуальности, но и зависимость от отцовского авторитета распространяет запрещение инцеста и на всякого рода сексуальную активность. Все это не давало возможности выявиться нормальному libido [2]) и регрессировало [3]) извращенности и «порочному сладо-

---

[1]) Паранойя (paranoia)—комбинаторное помешательство.

[2]) Libido—сексуальное желание.

[3]) Психоанализ считает, что причина перверзий—возвращение к проявлениям детской сексуальности—регрессия.

страстию». Отцовский авторитет, стоявший по дороге потребности любить, должен был уже существующее в юноше амбивалентное отношение к отцу раздуть в открытую ненависть. Эта ненависть толкнула его на участие в деле Петрашевского. Всякий, кто прочел хоть страницу из романов Достоевского, назовет его крайним консерватором. Религия, царь и отечество—великие для него слова, неприкосновенный идеал. Как убежденный славянофил, он враг всякого переворота. Легкомысленное замечание относительно религии возбуждало в нем необузданную ненависть; эта ненависть всегда проявлялась, когда ему случалось говорить о своем единственном благожелателе, замечательном русском критике Белинском, которому он тем не менее обязан своим первым большим успехом. Белинского он считал, только за его свободомыслие, позорнейшим явлением русской жизни. Материализм вызывает в нем омерзение. Социализму он противостоит всем своим существом. Он прославляет героизм рабства, предсказывает, что среди русских явится богочеловек, чтобы спасти человечество, выродившееся в социализме, купающееся в крови и слезах. Не о себе самом заботиться, но подставить левую щеку, когда ударяют в правую, любить ближнего больше самого себя, больше «своей горящей страсти» — как он сам говорит,—вот что он требует от человека. Он не видит большего несчастья для России, как падение царизма. Без аналитического рассмотрения непонятно, что мог искать

человек, столь консервативно настроенный, в заговоре, который ставил себе целью свержение самодержавия и провозглашал свободу, равенство и братство, т. е. идеи, внушавшие Достоевскому до самой смерти отвращение. Только комплекс отца объясняет этот поступок, так как в бессознательном отец и царь—одно лицо, как это нам известно из множества снов здоровых людей и невротиков, и из мифов и сказок. За тираном, которого Достоевский ради свободы хотел уничтожить, стоял ненавистный отец, мешавший осуществлению его инцестуозных желаний, которого поэтому следовало убрать с дороги. Бессознательный ход мыслей — отец, царь—в особенности близок Достоевскому; называли же русские своего царя «батюшкой»; и не так давно еще этот деспот обладал могуществом отца, распоряжающегося в патриархальной общине. Отец же Достоевского, как мы знаем, был строгим и могущественным повелителем своей семьи. Покушение на жизнь царя—это отцеубийство, на которое бессознательно толкнули писателя с одной стороны инцестуозная связанность, с другой—гнет, испытываемый им от отцовской скупости.

Потрясающие страницы из его большого романа «Братья Карамазовы» подтверждают эту загадку. Прежде всего выбор темы. Старик-отец, пьяница и развратник, к тому же еще соперник сына, которого сын ненавидит и боится; отца убивает один из его сыновей, между тем как три других сына не только желают смерти отца,

но и способствуют ей. Следовательно, полная аналогия с положением, которое мы наблюдаем у нашего писателя при получении известия о смерти М. Достоевского. Интересно, что у Достоевского были три брата, и в романе тоже четыре брата покушаются на жизнь отца. Другое интересное указание дает то обстоятельство, что после эпилептических припадков Достоевский имел угрызения совести, ему казалось, что он кого-то убил. О действительном убийце Федора Карамазова писатель заставляет говорить прокурора, не верящего в виновность Смердякова, следующее: «Сильно страдающие от падучей болезни, по свидетельству глубочайших психиатров, всегда наклонны к безграничному и, конечно, болезненному самообвинению. Они мучаются от своей виновности о чем-то и перед кем-то, мучаются угрызениями совести часто даже безо всякого основания, преувеличивают и даже сами выдумывают на себя разные вины и преступления». Но прокурор ошибается, Смердяков не выдумывает этого самообвинения, он действительно убийца; выходит так, как будто писатель придумал повод для собственных угрызений совести. Близкий друг Достоевского, критик Страхов, рассказывает, что настроение писателя после эпилептического припадка было очень угнетенным, он едва был в силах преодолеть свою печаль и явно повышенную чувствительность.

По его словам, это было потому, что он чувствовал себя преступником и никак не мог

отделаться от этого чувства. Непонятная вина, чудовищное преступление тяготело над ним.

Напротив, психоанализ утверждает, что угрызения совести у невротиков никогда не бывают безосновательными, но они кажутся такими потому, что их причины скрыты от сознания и лежат в бессознательном. Конечно, часто эти угрызения совести преломляются через увеличительное стекло невротической совести, при чем применяется закон о полноте психической реальности. Отцеубийцу Достоевский заставляет болеть эпилепсией, т.-е. той же болезнью, что страдал и он сам, так что писатель и созданный им образ имеют одинаковые угрызения совести. Для психоаналитика это значит, с одной стороны, тождество писателя со Смердяковым, с другой—что угрызения совести возникали у Достоевского после наплыва бессознательных мыслей об отцеубийстве.

По всей вероятности Достоевский прав, думая найти причинную зависимость между эпилептическими припадками и угрызениями совести; при неясном, послеэпилептическом состоянии, бессознательное выступает резче, гнет цензуры сознания не так силен, и поэтому голос совести, как вытесняющей инстанции, слышнее.

Только ли в бессознательном мире писателя жил возникающий из комплекса Эдипа импульс отцеубийства и только ли при эпилептических припадках он проявлялся? Кто может с уверенностью ответить на этот вопрос. Все же инте-

ресно отметить, что писатель приписывает Ивану Карамазову перед судом такое восклицание: «Кто же из нас не хотел убить своего отца». Определеннее это значит: «я хотел убить моего отца».

Роман Карамазовых дает основание предположить импульс отцеубийства. Из аналитических работ нам известно, что в образах своей фантазии писатель дает различные направления собственного бессознательного. И четыре брата, желающие смерти отца (а также и отец, как мы дальше покажем),—это расщепление характера самого Достоевского. Он и сознательно хотел изобразить себя в четырех братьях, это известно и отмечено также дочерью.

Митя, энтузиаст, без вины виноватый убийца, многим похож на Достоевского. Он солдат, как и писатель ко времени смерти своего отца, он высокомерен и раздражителен—качества, которые Достоевский приписывал себе. Он предъявляет своему отцу два требования—денег, несправедливо удержанных отцом, как это было и у самого писателя, и свою возлюбленную, т. е. на языке бессознательного—мать. Тождество писателя с отцеубийцей ясно уже из этого. Дальнейшая общая черта—это страсть к расточительности. Митя абсолютно не умеет обращаться с деньгами, эта же особенность приписывалась нашему писателю. Любовь Достоевская рассказывает, что отец был крайне расточительным, его звали палачом денег. В семье и среди друзей сохранилось много анекдотов об его мотовстве.

В особенности любил писатель покупать к ужину лакомства и тратил на это много денег, к большой радости своей дочурки и к еще большему неудовольствию жены. Фамилия торговца, у кого он делал эти покупки, Плотников; так же зовут и того торговца, у которого Дмитрий покупает массу лакомств в ночь, когда шел убить отца, но вместо этого только ранил старого слугу и затем поехал к своей возлюбленной, чтобы отбить ее у отца.

Иван Карамазов, сознательно и бессознательно, также автопортрет. Он олицетворение эпикуреизма, неверия и материализма, которых придерживался писатель одно время. Таким, как Иван, был он в двадцать лет, по крайней мере так говорит Любовь Достоевская. Иван, хотя сам и не убивал, но во всяком случае это он наточил нож для убийства старого Карамазова; и не простая случайность, что Достоевский в день убийства отправляет своего героя в Чермашню, чтобы Смердяков беспрепятственно мог совершить убийство; Чермашней называлось имение, где старый Достоевский был убит своими крепостными. Как будто писатель бессознательно хотел сказать: «Это я из ревности и жадности убил отца в Чермашне, хотя я сам и не держал ножа».

В лесу, в Чермашне, как мы уже говорили, получил Достоевский и волкофобию, здесь его занимали бессознательные мысли об отцеубийстве. Андрей Достоевский говорит, что писатель жил здесь особенно охотно, освобождаясь от тяжелого гнета учения и отеческого авторитета.

Часто десятилетний мальчик один проделывает путь из Дарового в Чермашню, чтобы выполнить какое-либо поручение матери. Более чем вероятно, что его уже тогда богатая фантазия говорила ему о том, как могло быть хорошо, если бы всегда так было: отец отсутствует (мертв), и он один живет с матерью, как ее помощник и опора (муж).

Тождественность Смердякова с писателем подтверждает, кроме угрызений совести, еще эпилепсия, которую приписал ему Достоевский. В то время, как Смердяков олицетворяет низшие инстинкты писателя, его бессознательное, «Алеша» изображает сознательное, этическое стремление борющейся души. Он спасает и сам получает спасение, как и писатель через создание этого образа стремится спастись от чудовищ своего бессознательного. Тем не менее и Алеша тоже Карамазов; в его крови есть сладострастное насекомое, что самое значительное, и в нем является импульс отцеубийства.

Большой роман отцеубийства остался незаконченным. Писатель дает в сущности только введение, только отцовский комплекс, но нет второй части, в которой братья работают над его преодолением, потому что этой работы он сам не мог сделать. Вопрос в сущности остается открытым, надолго ли Митя изменился, хватит ли у него силы нести свой крест; и Иван должен стать другим после болезни, причина которой—мысли об отцеубийстве, но этого изменения сам писатель не дает. И даже святой Алеша,

согласно приказу старца Зосимы, должен еще долго жить в мире, иначе говоря, продолжать борьбу с комплексом Эдипа, пока не научится окончательно преодолевать его.

И Любовь Достоевская отмечает некоторые общие черты между образами фантазии писателя и его характером, только ей не известны причины этого, так как она ничего не знает о бессознательных детерминантах художественного творчества. Между прочим она указывает на сходство Достоевского со стариком Федором Карамазовым. Выяснив, что старик довольно точный портрет старого Михаила Достоевского, она все же указывает на некоторые характерные черты, которых не имел ее дед. Она говорит: «Интересно, что мой отец дал старому Карамазову свое собственное имя». Психоанализ, настаивающий на строгой детерминации всех психических явлений, не может принять это за простую случайность, тем более имя человека, важное значение имени признает и не аналитик. Так, например, Гете резко осуждал своего друга Гердера за то, что тот позволил себе связать с именем Гете какую-то некрасивую игру слов. Народная вера знает, что лунатика нельзя назвать по имени. Из многочисленных примеров нам известно, что и дикие народы считают имя чем-то особенным. Старик Карамазов носит имя писателя, а по русскому обычаю имя отца несут и дети; стало быть, старый Карамазов только сознательно портрет отца Достоевского, бессознательно же это сам писатель. Некоторые выдаю-

щиеся черты характера Федора Карамазова, как то скупость и пьянство, заимствованы у отца писателя, но биографы ничего не знают о распутной жизни старого Достоевского, да и Любовь Достоевская отмечает, что это не точный портрет ее дедушки, так как он был верным супругом и хорошим отцом. Что же значит эта характерная особенность Федора Карамазова? Как и всякое психическое явление, оно детерминировано; можно предположить, что инфантильно отсталый (infantil verbliebene) невротик рассматривает брачную жизнь отца, как распутство; скорее же всего писатель уличает самого себя в порочном сладострастьи, следовательно, в Федоре Карамазове выставляет самого себя. Что Достоевский действительно воспринимал отношения родителей, как разврат, доказывается тем, что большая часть его женских типов, хотя бы они изображали его мать, как Соня в «Преступлении и наказании», Наташа в «Униженных и оскорбленных», героиня «Бедных людей», мать Аркадия Макаровича в «Подростке»—все они проституированные или падшие женщины.

Над большим романом Карамазовых Достоевский работал много лет. Отдельные части из незаконченных романов включались в эту его лебединую песнь. И в письмах, которые он писал во время своего последнего пребывания за границей, длившегося многие годы, звучит та же мелодия. Следовательно, импульс отцеубийства интересовал бессознательно и фантазию Достоевского всю жизнь. До заговора Петрашев-

ского мы узнаем бессознательное желание убийства из известных уже нам невротических симптомов; после ареста и во время десятилетнего заключения—из его поведения; после заключения—в каждой строчке, которую он писал. Как будто бы вся жизнь писателя целиком заполнялась борьбою с этим могущественным влечением.

Писатель, обремененный сознанием тяжелой вины, отнесся к аресту, как к облегчению. Только этим можно объяснить непонятное поведение Достоевского в это время. Его жена записала в дневнике слова писателя о том, что тюремное заключение избавило его от грозившего сумасшествия. Любовь Достоевская говорит, что ее отец за несколько лет до заключения страдал тяжелыми истерическими симптомами. Он избегал общества, целый день бродил по улицам, громко разговаривал с собой и почти не мог работать. О других невротических симптомах, как боязнь быть заживо погребенным, ипохондрия, бессонница и участившиеся истероэпилептические припадки, мы уже говорили. Но сразу же после ареста исчезают все симптомы. Он совершенно успокаивается, жалуется почти что только на геморрой и становится психически совсем нормальным, тогда как его товарищи, сильные и духовно здоровые, имели тяжелые психические расстройства. В новелле «Маленький герой», написанной во время предварительного заключения в Петропавловской крепости, столько жизненной радости и сол-

нечного света, как будто она написана в веселый майский день среди цветущих деревьев, на зеленой лужайке, а не в сыром каземате, куда за целое лето не проникает ни один луч света.

Хотя у него и остался на всю жизнь шок от смертного приговора, так театрально инсценированного, тем не менее, кроме отдельных замечаний в «Идиоте», об этом мало говорится. Когда он после четырех лет тюремного заключения пишет брату о своих переживаниях в это ужасное время, он вспоминает канун Рождества, когда на него надели кандалы, которые он не мог снимать в течение четырех лет. Он пишет: «Знаешь ли, мой дорогой, как мы расстались? Как раз в полночь, в канун Рождества, на меня впервые надели кандалы... Я был совсем спокоен, так как при каждом новом жизненном шаге чувствуешь особенную живость и здоровье». Затем он подробно рассказывает о приятной поездке в санях и о превосходном аппетите, который его очень обрадовал в дороге. Друг обоих братьев Достоевских, посетивший его тогда вместе с Михаилом Достоевским, пишет о настроении писателя: «Казалось, что этот человек относится к предстоящему заключению (которое он уже имел случай испытать в Петропавловской крепости), как к веселой поездке за границу». В выше цитированном письме к брату Михаилу он пишет: «Если ты думаешь, что я попрежнему впечатлительный, недоверчивый и ипохондрик,— ты ошибаешься, от этого не осталось и следа». Любовь Достоевская много рассказывает о том,

как писатель в кругу своей семьи и друзей вспоминал тюремные работы, к которым он относился, как к гимнастике, укрепляющей его организм; он с радостью толок алебастр, пилил деревья, таскал дрова и черепицу; это принесло большую пользу его слабому здоровью. Если же Достоевский не только перенес мучения одиночества в тюрьме, бесконечные лишения и тяжести, отвратительную грязь, но и вышел из этого ада оздоровленный душой и телом, где другие здоровые, как, например, Дуров, таяли подобно свечке, это объясняется только тем, что в тюрьме бессознательные мысли об убийстве бессознательно же исчезли, и поэтому все лишения, страдания и тягости переносились с большой радостью.

Семье Достоевского, по словам младшего брата Андрея Достоевского, известно предсказание старого Михаила Достоевского о том, что писатель попадет в тюрьму. Часто, когда молодой Достоевский, как волчок, кружился в отцовском доме или высказывал слишком свободные взгляды, он говорил: «Эй, Федя, смотри, как бы не надели на тебя красной шапки» (форма сибирских штрафных батальонов). Как многие предсказания, может и это возникло уже позже, но если это верно, что вполне возможно при правдивости и искренности Андрея Достоевского, оно дало немало поводов для искупительной потребности сына. Во всяком случае это пророчество интересно тем, что связывает тюремное заключение с возмущением против отца (свободные, революционные воззрения).

Громадная потребность в искуплении ясна и из того, как он сам оценивал свой поступок. Когда он через десять лет вернулся в Европу, друзья часто говорили ему о бесчеловечной строгости этого наказания и невинности писателя. Один из друзей даже сочинил стихотворение на тему о его незаслуженных страданиях. Но Достоевский так не думал: «Нет, наказание заслуженное, так как я замышлял недоброе против правительства». Другой раз он мотивирует свое мнение тем, что не может быть слишком жестокого наказания для человека, который хочет отнять у русского народа царя. Этим он только рационализирует свое собственное сознание вины, возникающее из комплекса Эдипа; но и через эту мотивацию еще мерцает бессознательный ход мыслей—убийство, замышляемое против царя, должно пониматься, как отцеубийство. Что Достоевский действительно смотрел на себя, как на отцеубийцу, и никогда не считал себя политическим преступником, ясно и из его знаменитого романа «Записки из Мертвого Дома». Роман написан в первом лице, и главное лицо явный автопортрет. Дело, по которому герой попадает в тюрьму,—убийство из ревности, и мы никак не можем считать это простой случайностью. В течение всего романа автор говорит о себе, как об убийце и преступнике.

С вытеснением чувства ненависти к отцу рука об руку идет изменение всех его чувствований. Таким образом, революционер, хотевший

убить царя, сочиняет к коронации Александра II хвалебный гимн и при каждой возможности признается в любви и преданности царской фамилии, при чем это перерождение вполне искреннее, без всякого следа раболепства. И это после многих лет каторги, где он своими глазами видел тысячи ужасных сцен и по одному сообщению, заслуживающему доверия, даже сам был подвергнут наказанию, во всяком случае на себе самом испытал все ужасы царизма. Трудно объяснить это иначе, как стремление искупить свою вину, стремление, коренящееся в комплексе Эдипа и доказывающее наклонность к альголагнии [1]).

Ни капли возмущения нельзя найти даже между строк, когда он рассказывает о тысячах палочных ударов, опускавшихся на спины несчастных узников за малейшие проступки. Отвратительнейшие жестокости зверских начальников передает он с эпическим спокойствием, чуть ли не с некоторым даже удовольствием, так что читатель с трудом это выносит. Он описывает свои чувства, когда наблюдал арестанта после такой экзекуции. «Я был в неописуемом волнении», уверяет он все время, и мы должны добавить, что это было сексуальное возбуждение. Он все время осматривает раны и осведомляется о боли. Лаконические ответы наказанного: «горит, горит, как адский огонь», очевидно, не мо-

[1]) Страсть к боли и жестокости. Активная альголагния—садизм, пассивная—мазохизм. (Примеч. переводчика).

гут его удовлетворить, и он, так сказать, фасцинирован наказанием. Смесь садизма и мазохизма очевидна, когда он, например, рассказывает о зверском начальнике, который вначале вызывал в арестанте надежду на отмену наказания, или, по крайней мере, на смягчение, а затем, смеясь, как сумасшедший, над арестантом, так горько разочаровавшемся, поощрял солдат к еще более бесчеловечным ударам.

И тонко-чувствующий Тургенев заметил садомазохизм Достоевского. Только человек с такими наклонностями мог придумать историю о крестьянине арестанте, рассказанную следователем Порфирием в «Преступлении и Наказании». Этот арестант дотронулся до одного высокопоставленного начальника, намеренно не причинив ему боли, только для того, чтобы быть строго наказанным и страдать. «Так как страдание— добро», заставляет его говорить писатель, «и если оно от начальников и человек не виноват—тем лучше». Эту своеобразную логику опять-таки может объяснить только психоанализ. Начальники, солдаты, сторожа, полицейские и чиновники всякого рода—образцы отца, и наказание от них инфантильно отсталый, невротик со своей совестью, требующей искупления, может принять с радостью. Теперь уже не трудно показать, что альголагния Достоевского коренится также в комплексе Эдипа; садизм— это отожествление с могуществом отца, тогда как мазохизм—вечное сознание вины у инцестуозно-связанного.

Явные мазохистские черты содержатся в «Записках из Мертвого Дома». Например, рассказ о праздновании пасхи в тюрьме. Арестанты посещают во время страстной недели раннюю обедню. Трогательно читать рассказ писателя о том, как ему было приятно, когда он шел ранним морозным утром (нужно вспомнить о начале весны в Сибири) к обедне и должен был стоять совсем внизу, звеня кандалами, тогда как раньше он занимал место всегда впереди, среди дворян. Он находит приятным, что многие с любопытством разглядывают его, одни с жалостью, другие с отвращением отворачиваются от него, некоторые сострадательные дают ему даже мелкую монету. «Это будет воспоминанием о моем позоре», говорит он, сохраняя копейку. Весь рассказ проникнут ярким сознанием вины, и эта неограниченная покорность и чувство своей слабости и унижения носит инфантильно-сексуальный отпечаток. Чувствовать себя слабым и беспомощным, как некогда ребенком, отдаваясь власти сильного — это мазохистская фантазия скрывается за христианским смирением. Легко понять, почему именно пасха вызывает мазохистские идеи. В пасхальные праздники скорее всего приходит на ум отождествление с Христом. Впрочем, это отождествление господствует над значительной частью его поступков и мировоззрения вообще. Бог-отец для него всегда возвышенный телесный отец и в любви к богу он сублимировал немалую долю своей гомосексуальной любви. Очевидно и отожде-

ствление своей личности с Христом. Страдать, смиряться, терпеть — в этом находит писатель смысл своей жизни, т.-е. он отождествляет себя с страдающим сыном божиим. «Я не ропщу», постоянно пишет он из тюрьмы, «это мой крест». Он готов «с радостью принять на себя все муки креста», только бы осталась в живых его первая маленькая дочь — все время отождествление себя с страдающим Христом. Амбитенденция христианского мифа была для него, с его вечно колеблющейся между амбивалентными чувствами душой, как и для многих других источников, причиной этого отождествления. Бог-отец, заставляющий своего невинного сына умереть мучительнейшей смертью на кресте, не обращая внимания на мольбы, чтобы миновала его эта горькая чаша, похож на черствого и несправедливого отца Достоевского, который тоже подвергал его незаслуженным страданиям и лишениям.

Амбитенденция его отношения к отцу повинна в том, что и отношение нашего писателя к религии все время оставалось амбивалентным. Тот, кто прочтет его поверхностно, конечно будет утверждать, что он наиболее религиозный писатель двадцатого столетия. Но разве выставил какой-нибудь писатель или философ более сильные доводы против существования бога и против религии вообще? Опровергается ли неверие, даже кощунство его положительными воззрениями? И можно ли вообще назвать религиозным человека, создавшего Кириллова в «Бесах», или легенду о Великом Инквизиторе в «Братьях

Карамазовых»? И тот же вопрос, который задаст Шатову Ставрогин, можем мы задать писателю, да верит ли он вообще в бога? И так же, как и вымышленный им образ, должен бы ответить и писатель: «Я верю в Россию, я верю в ее православное учение, верю в тело Христово, верю в будущее России, которое еще придет, верю...» Ставрогин же настаивает: «Но в бога? В бога?» И Шатов с поникшей головой отвечает: «Я, я поверю в бога». Во всяком случае эта вера стоила ему тяжелой душевной борьбы и с таким трудом добытая уверенность в боге часто колебалась и, если сам Достоевский не хотел этого признать, неверие он знал слишком хорошо. Уже после заключения, следовательно после знаменитого перехода к вере, он пишет жене одного декабриста: «Я должен вам сказать о себе самом, что я дитя нашего времени, дитя неверия и сомнения, и по всей вероятности (я знаю это наверное) останусь им до конца моих дней. Как ужасно мучает меня (и сейчас еще) стремление к вере, которое тем сильнее, чем больше доводов против».

Это признание в частном письме из далекой Сибири, но и его официальные писания, направленные как раз против неверия и отрицания бога, содержат подобные же места. Например, в дневнике писателя он говорит, что отрицателям бога и не снилось о той силе, с которой он отрицал бога. Окончательно он никогда не изжил неверия, так как все время прорывающиеся враждебные чувства к отцу вызывали в

нем новые возмущения против бога-отца, т.-е. толкали его на богоборство и неверие. До конца борьба не доведена. Тем не менее его религиозные чувства помогают ему все время побеждать его амбивалентный комплекс Эдипа, значит, так же сублимировать его гомосексуальные наклонности.

Ненависть к отцу таким образом сублимировалась, как религиозность, инцестуозное пожелание, как любовь к родине. Пока эти чувства были вытесненными, они вели к невротическим заболеваниям, как например, к упомянутому «мистическому ужасу» в боязни быть заживо погребенным. Так как эти состояния в тюрьме улучшились, мы должны допустить, что тогда началась их сублимация, в значительной мере также и достигнутая. «Я верю в Россию»—вот первый символ веры Шатова, и это же credo Достоевского, как мы можем прочесть это в каждой строчке его произведений. Он твердо верит, что его родина—богом избранная страна, он проповедует, что Россия выведет мир из моря крови и слез, которыми социализм зальет весь мир, что России предназначено быть образцом для Европы и основать истинно христианское государство. Но психоанализ учит находить бессознательные импульсы, лежащие в основе любви к родине. Поэтому любовь к отечеству лучше назвать любовью к матери-земле, так как чувства патриота возникают из отношений к матери-земле. Бессознательное отождествляет мать, воспитательницу, кормилицу и

добрую помощницу с землей, которая питает человека и заботливо приготовляет ему все необходимое. Выражения как: дитя земли,—для человека, мать—природа, плод матери для ребенка и т. д. достаточно показывают, что здесь идет речь о самой обычной символике.

Отечество, где мы рождаемся (которое нас рождает, как говорит венгерское выражение szülöföla, употребляемое для обозначения родины), которое нас кормит, дает пристанище от непогоды, имеет право на инцестуозную любовь мужчины и противится прямому изживанию. Поэтому родина живет в фантазии всех народов, как женщина, что подтверждают названия—La France, Hungaria, матушка Россия, Germania и т. д. Что Достоевскому близок этот символ, ясно из упомянутого раньше симптома боязни быть заживо погребенным. В письме к племяннице из-за границы он пишет, что русские, живущие там, дают пощечину свое матери (России). Страсть, которая к реальной матери была бы наказуема, может без всяких нареканий и укоров совести стать пламенной любовью к родине. Славянофилом, православным и консерватором Достоевский стал не потому, что получил указание от судьбы, как это думают многие и он сам, также и не потому, что после сомнений юношеских лет острым политическим чутьем он нашел правильный путь России, но потому что его комплекс Эдипа проявляется при всех условиях жизни. Пыл, с которым он защищает свои политические и религиозные

убеждения, достаточно ясно указывает на их аффективное, бессознательное происхождение; связь его миросозерцания с комплексом Эдипа обнаруживается также и из отдельных частностей.

Группа славянофилов, объединившихся вокруг Достоевского и его газеты — «почвенники» — этим названием прямо указывают на связь их патриотизма с инцестуозной зависимостью. Со страстной ненавистью, до самой смерти преследует Достоевский западников, свободомыслящих русских, часто живших за границей. Он называет их «скитальцами», оторванными от земли. В их лице он бессознательно ненавидит тех счастливцев, которые преодолели себя, отказались от инцестуозного желания, отделались от матери. Его постоянный страх стать чужим родине во время вынужденного пребывания за границей коренится в тех же бессознательных мыслях. Нет письма, в котором не проскальзывал бы этот болезненный страх. Когда он пишет своей любимой племяннице Софье, что жить за границей для него ужаснее ссылки в Сибирь, это не преувеличение, но действительный факт.

Но при этом характерно, что поездки Достоевского за границу продолжаются значительно дольше, чем это нужно; опять-таки это может быть объяснено инцестуозной связью и ее вытеснением. Хотя он почти заболел от тоски по родине во время последнего многолетнего пребывания за границей, тем не менее в последнюю минуту он снова решает предпринять поездку в обетованную землю. Как правильно отмечает

его немецкий издатель, долги были здесь только предлогом. И если эту поездку ему еще и удается до известной степени рационализировать, показать ее будто бы абсолютную необходимость, то нельзя сказать того же относительно других поездок.

Предпринимая первую поездку, он говорит, что «не верит в Европу», что Европа большой постоялый двор и что будущее принадлежит России. И в то время, как он презирает и страстно ненавидит живущих за границей русских, он все время настойчиво стремится за границу. Все тот же бессознательный страх перед инцестом заставляет его бежать от матушки России, тогда как проявление вытесненных желаний — причина его равнодушия к наиболее красивым местностям Европы. Все это ему не только в высшей степени безразлично, но даже противно. Его интересует только та местность, которая напоминает ему Петербург.

Не только патриотизм, любовь к родной земле, возникает у писателя из инцестуозной связанности, но и значительная доля его религиозности имеет то же происхождение. И церковь воспринимается невротиком, как женский символ [1]).

---

[1]) Сильная любовь и преобладающий интерес Достоевского к православной церкви коренится также в комплексе Эдипа. Многие святые православной церкви бессознательно играли для него роль отца. Зосима в «Братьях Карамазовых», архиерей, которому исповедуется Ставрогин. (До сих пор эта исповедь хранилась в музее Достоевского и появилась только недавно). Эти святые — явные образы отца. (Примеч. автора).

Комплекс Эдипа приводит Достоевского в острог, и этот же комплекс, стремление к искуплению, дает возможность не только выдержать тюремное наказание, но и покинуть этот ад более здоровым, чем он туда попал. Трудно представить себе, что он там пережил. Один эстет и критик Достоевского говорит, что описание бани в «Записках из Мертвого Дома» могло вполне подойти под описание Дантовского Ада. Но это не самое ужасное. Длинные сибирские ночи, во время которых не разрешалось зажигать огня, целые часы бессонницы на жестком матраце с копошащимися насекомыми, отвратительные испарения сотни грязных тел, зараженный воздух от параши, которая стоит у дверей помещения, где спят, и служит для исполнения естественных потребностей арестантов с захода солнца и до утра, никогда не мытые и затвердевшие от грязи и пота халаты в больнице; трудно поверить, что эту жизнь мог вынести такой человек, как наш писатель. Рассказывают, что он был крайне педантичен и чистоплотен: при ежедневном умывании употреблял много одеколона. Насколько виноватым чувствовал он себя, что он не считал такие страдания чрезмерными. Из показаний его начальников, среди которых у него было много доброжелателей, видно, что он не хотел для себя никакого облегчения. Достоевский, как и его прежний друг и соучастник Дуров, были хорошо приняты начальником тюрьмы. Последний, как и моряки-кадеты, сосланные туда на службу за

бунт, сочувствовали обоим дворянам, как политическим преступникам, и готовы были сделать все возможное, чтобы облегчить их положение. Но в то время, как Дуров выказал себя любезным, прямодушным и благодарным, Достоевский был угрюм, замкнут и недоверчив к своим благожелателям, облегчения принимал неохотно, и этим отдалил их от себя. Чувствуя вину, он хотел испить до дна чашу горечи, унижения и страдания. Интересна та ненависть, которую он питал к Дурову; он не мог ее не только побороть, но даже скрыть. В течение четырех лет он не говорил с ним ни слова, даже в Записках он называл его не иначе, как «я и другой». Он ненавидит в Дурове собственное преступление и не только явное и действительное — заговор против царя, но и другое бессознательное и неискупимое — отцеубийство.

После четырехлетнего заключения нашего писателя хотя и освобождают от оков, но не дают полной свободы, его отправляют служить простым солдатом в Сибирский линейный полк в Семипалатинске. Как тень, следует за ним его комплекс Эдипа, влияет на его поступки и дела. Здесь он встречает женщину, впервые научившую его любить. Марья Дмитриевна была супругой больного чахоткой пьяницы, товарища Достоевского, которого он знал еще в военном училище. Слишком благочестивые биографы писателя боятся вынести на свет божий некоторые интимные подробности его

жизни, которые могли бы свидетельствовать об его человеческих слабостях. Они повинны в том, что мы ничего не знаем о его брачной жизни, столь интересной для аналитика, и большей частью вынуждены довольствоваться одними предположениями. Записки барона Врангеля, с которым в это время жил Достоевский, дают нам некоторые, хотя и скудные намеки. Его дочь от второго брака подробно, но менее всего объективно описывает это своеобразное отношение. Для понимания этого наиболее пригодны автобиографические данные из романа «Униженные и Оскорбленные».

Для психоаналитика не лишен значения тот факт, что наш писатель полюбил эту женщину, когда она была женой его товарища, и что с самого начала их знакомства и до самой смерти она ни минуты не была свободной, следовательно, всегда давала повод для ревности. Когда писатель познакомился с ней, она была влюблена в другого товарища мужа; будучи женою Достоевского, она поддерживала, как это утверждает дочь Достоевского, многолетнюю связь с домашним учителем. После смерти мужа от скоротечной чахотки, бывшей последствием пьянства, писатель приложил все силы, чтобы наладить свадьбу вдовы с ее возлюбленным, т.-е. со своим товарищем; это очень характерно. Он осаждает своих родственников и влиятельных знакомых, чтобы они постарались для его товарища и нашли ему хорошую службу, облегчив этим брак с Марией Дмитриевной; с другой

стороны он мучается ревностью. Когда же этот брак, несмотря на его старания, расстраивается, он сам женится на вдове, чтобы спасти ее от тяжелых материальных бедствий.

Нетрудно найти в этой любви то, что Фрейд в «Beiträgen zur Psychologie des Liebeslebens» приписывает инцестуозно связанным. Мария Дмитриевна все время принадлежала другому мужчине, раньше мужу, затем его товарищу и наконец любовнику, но ни минуты самому Достоевскому. Условие «несчастного третьего» выполнено вполне. Также и условие ревности, о которой сообщает барон Врангель, а также и третье условие—фантазия спасения (Retterphantasie). К этому прежде всего относятся старания, приложенные Достоевским, чтобы найти место возлюбленному его будущей жены. Спасает он буквально от голодной смерти не только эту женщину, но и ее маленького сына, наконец, он спасает и доброе имя Марии Дмитриевны. Барон Врангель рассказывает, что свободное и экзальтированное поведение Марии Дмитриевны в маленьком сибирском городке вызывало немало пересудов, ее любовные похождения с учителем—по словам Л. Достоевской—были известны всему городу. Интересно отметить, что Достоевский, как и все инцестуозно связанные, не питал никакой ревности к временным, так сказать, законным обладателям Марии Дмитриевны, иногда же от незначительных поводов впадал в болезненную ревность. «Оба мы были несчастны»—рассказывает

писатель своему верному другу, барону Врангелю—«но чем несчастнее мы были, тем труднее становилось нам жить врозь, так как все время любили друг друга». Все эти условия показывают, что здесь была инцестуозная любовь: возлюбленная изображала мать. В ревности Достоевский переживал детскую ревность против отца, в то время, как положение «несчастного третьего» символизировало бессознательный триумф этого вечного конкурента.

Любовь Достоевская говорит, что первая жена ее отца страстно ненавидела писателя. По семейному преданию она вышла за него замуж исключительно по материальным соображениям, после свадьбы совершенно не считалась с мужем и жестоко насмехалась над ним с любовником—домашним учителем, который сопровождал ее, как собака, из города в город. Когда закончился срок ссылки Достоевского, и по особой милости Александра II он мог поселиться в Твери (город между Москвою и Петербургом), учитель последовал за ней и туда. Писатель, хотя и знал этого учителя, но считал его настолько незначительным, что об обмане и не думал. Неподозревающему мужу открыла глаза сама жена. Крайне возбужденное состояние, в котором она находилась, вследствии прогрессирующей чахотки, вылилось в отчаяние, когда больная и потому потерявшая свою привлекательность женщина была покинута своим любовником. Доведенная до крайности насмешками и издевательствами, она призналась мужу

в обмане. Но и после этого Достоевский не изменил своего отношения к жене. Только позже, когда публицистическая деятельность настоятельно звала его в Петербург, он покинул жену, доставившую ему столько огорчений. «Его сердце было разбито»—пишет его дочь,—«но чувство долга к той, которая носила его имя, оставалось неизменным. Но это не обезоружило Марию Дмитриевну. Она ненавидела моего отца тою неумолимою ненавистью, на которую способны лишь негритянки. Люди, ухаживавшие за ней, сообщали позже, что она проводила долгие часы неподвижно в своем кресле в тяжелых размышлениях. Затем неожиданно вскакивала и лихорадочно пробегала через комнаты своей квартиры. В столовой она останавливалась перед портретом Достоевского, долго глядела на него, грозила ему кулаком и кричала: «Каторжник, бесчестный каторжник!» Продолжалось это до полного изнеможения».

Так рассказывает Любовь Достоевская, но психоанализ не может остановиться на выражении «злобная ненависть негритянки» и должен поставить вопрос: почему женщина так злобно ненавидела мужчину, который спас ее и ее маленького сына буквально от голодной смерти? Почему она так оскорбляла того, кого чуть ли не вся Россия чествовала, как великого писателя и пророка? В Семипалатинске Мария Дмитриевна играла роль культурной и просвещенной женщины, которая возвышается над мелочами и общественным мнением. Она горди-

лась дружбой с Достоевским, когда он был еще простым солдатом, и многие начальники ее мужа осуждали эту близость. Она тогда еще считала себя выше всяких предрассудков, поэтому было просто смешно бранить Достоевского «каторжником» теперь, когда он пользовался высоким вниманием всей России, даже царской семьи. Если связь с домашним учителем действительно существовала с самого начала, откуда у нее такая ненависть к мужу? Из французских комедий мы хорошо знаем, что menage à trois еще не самое худшее. И когда любовник бросил ее, она вполне последовательно обратила свою ненависть на мужа. Такие сцены она должна была бы устраивать перед портретом своего неверного любовника. Ее поведение в освещении Л. Достоевской совершенно непонятно. Это выпады женщины, любящей своего мужа и имеющей основания для ревности, или предполагающей такие основания. Так как ненависть только обратная сторона любви, и только того, кого женщина любила, может она ненавидеть. Но презирать? Конечно, такая женщина, как Мария Дмитриевна, с ее темпераментом и характером, не презирала бы мужа за его политическое прошлое, но она могла презирать мужчину, который не удовлетворял ее в половом отношении. Оснований для ревности было у Марии Дмитриевны достаточно. Еще задолго до смерти жены Достоевский почти безвыездно жил в Петербурге. Там познакомился он с молодой студенткой Полиной N, как ее называет Любовь

Достоевская (Полина из «Игрока»), знакомство быстро выросло в пылкую страсть, и Достоевский последовал за ней за границу, чтобы, так сказать, прогулять там последние дни жизни жены. Может быть, здесь и сыграла роль болезненная поспешность Достоевского, но если мы вспомним инцестуозную фиксацию писателя, если мы вспомним, что он не мог любить, когда желал, и когда желал, то не любил, вспомним, что он говорил барону Врангелю о своих отношениях к жене, что они оба глубоко несчастны, но никогда не переставали друг друга любить, если мы, наконец, прибавим, что и у Марии Дмитриевны от первого брака и у Достоевского от второго были дети, тогда как этот брак был бездетным, мы должны будем предположить, что за банальной ненавистью негритянки скрывается печальная семейная тайна. Мария Дмитриевна была больна и умерла от той же болезни, что и мать писателя, и приблизительно в том же возрасте; это поможет нам понять семейную трагедию. Сотрудник журнала Достоевского, Страхов, описывает жену писателя, как нежную и слабую женщину, то же самое говорили и о матери писателя. Доктор Ризенкампф отзывается о Марии Дмитриевне, как о хорошей хозяйке, умевшей уютно обставить свой дом, опять-таки материнская особенность. Все это вместе взятое могло нарушить гармонию семейной жизни, как только у Достоевского проснулся страх перед инцестом. Это вполне соответствует тому, что писал критик Страхов

о сексуальной жизни Достоевского в это время.

Описав мировоззрение Достоевского для понимания и извинения человеческих слабостей, он прибавляет: «Литературный круг (речь идет о сотрудниках журнала, издававшегося братьями Достоевскими во время тяжелой болезни Марии Дмитриевны), куда я сейчас попал, будет для меня во многих отношениях школой гуманности. Но была одна особенность, крайне фраппировавшая меня, это было для меня большим отклонением от моих убеждений. К моему большому удивлению я заметил, что чувственный разврат не находил осуждения. Те же люди, что в нравственном отношении, обладали таким поразительным тонким чутьем, имели такой высокий образ мыслей и сами стояли так далеко от всякого духовного разврата, те же самые люди на экстравагантности смотрели с полным равнодушием, говорили о них, как о забавных глупостях или незначительном вздоре, которому можно даже предаваться в свободное время. Духовная непристойность строго и сурово осуждалась, телесная же непристойность считалась неподлежащей оценке. Эта своеобразная эмансипация тела действовала прямо-таки соблазнительно и были случаи, о которых подумать больно и страшно. Некоторые из тех, с кем я познакомился во время моей литературной работы в 60-х годах, умерли или сошли с ума вследствие этих психических грехов, казавшихся такими незначительными».

Страхов не говорит нам, принимал ли участие в этом разврате сам Достоевский, который был центром и руководителем этого кружка, или он только теоретически признавал его. Однако Страхов заставляет предполагать первое, так как в связи с этим же, несколькими строками ниже, он говорит о бросающихся в глаза противоречиях в делах и мыслях Достоевского, которые однако в глубине души сглаживались и удерживали его от неправильных и ненормальных путей.

Роман «Униженные и Оскорбленные», в литературной форме описывающий первый брак Достоевского, также показывает нам писателя в борьбе с комплексом Эдипа. Моделью для Наташи была Мария Дмитриевна. Немного смешной субъект, каким здесь выставляет автор себя самого, играет роль охраняющего ангела, который любит не желая, возникает из комплекса Эдипа, т.-е. вытесненного инцестуозного желания.

Все это доказывает, что именно этот комплекс определил выбор жены и об этот же комплекс разбилась семейная жизнь Достоевского, когда его комплекс начал противодействовать проявлению нормальной сексуальной жизни. Отношения к Полине N указывают на те же черты, что и первая любовь. Снова возлюбленная несвободна. Молодая студентка долгое время и безуспешно добивается расположения знаменитого писателя. Отеческие увещевания и доводы не удовлетворяют темпераментную

девушку и, так как ей надоела эта бесконечная мешкотня, она быстро решает уехать в Париж, и там, сведя знакомство с молодым русским студентом, отказывается от Достоевского. Ревность инцестуозно-фиксированного невротика разбужена этим письмом и после того, как условие любви удовлетворено, его любовь быстро разгорается. Наспех упаковывает он свои вещи, не думая о жене, лежащей почти на смертном одре, даже любимый журнал не удерживает его, а раньше он отдавал ему все свои силы, и до Полины журнал был предлогом, из-за которого он все откладывал свою поездку за границу. Он не думал о том, что эта поездка, стоящая, конечно, массу денег, может повлечь за собой гибель журнала, а вместе с нею и гибель его самого и горячо любимого брата с многочисленной семьей. Он едет день и ночь, приезжает к возлюбленной, просит, угрожает и наконец ему удается убедить ее и вернуть ее расположение. Когда он достигает того, к чему так стремился, так как Полина покидает своего любовника для Достоевского—он уже через несколько месяцев исцелен от своей страсти. Как только условия любви—ревность и соперник—удалены, проходит слепая страсть. Характерно, что и эта девушка вела сомнительный образ жизни, она была студенткой того типа, для которых ученье только средство, чтобы иметь возможность вести свободную жизнь.

Второй брак Достоевского был исключительно счастливым. Его жена, от природы на-

деленная большим практическим умом, держит в порядке его запутанные материальные дела; стенографирует его сочинения и переписывает их начисто, словом, заботится о том, чтобы отдалить от него все неприятности. Но и на эту семейную жизнь комплекс Эдипа набрасывает вначале темные тени. Сам писатель во время своего пребывания в Европе пишет, что жене приходится много терпеть от недостатков его характера. И Любовь Достоевская знает о многих трудностях вначале. Родственники писателя внушали ему считать свою жену слишком молодой и слишком ребенком, чтобы разделять с ним его мысли и заботы. (Может быть, молодость жены помешала перенесению на нее материнского образа). Семья брата держала себя дома хозяином и препятствовала молодой женщине занять положение хозяйки и место в сердце супруга. Только поездка за границу, которую делали необходимой долги и грозившее раззорение, и которую умная и рассудительная молодая жена горячо поддерживала, постепенно освободила писателя от семейных связей. Но и много лет спустя препятствия должны были выступить. Эпизод в Дрездене, о котором рассказывает Любовь Достоевская, может показаться незначительным с точки зрения психологии сознания, напротив психоаналитику объяснит многое. В Дрездене писатель должен был официально зарегистрировать рождение своего второго ребенка. В такой педантичной и бюрократической стране, как Германия, требуют, конечно,

точных сведений о семейных отношениях. И вдруг Достоевский, который и не думал о таких ненужных педантичностях, на вопрос немецкого чиновника о девичьей фамилии своей жены, не может ответить. Он никак не может вспомнить забытой фамилии и ему ничего не остается, как пойти домой и спросить жену, досадуя на многочисленные и ненужные вопросы немцев. В воспоминаниях семьи Достоевского этот эпизод, как и множество других, подобных же, приводится, как знак крайней рассеянности гения. Как признак рассеянности Любовь Достоевская приводит и другой случай: на улице жена подошла к Достоевскому и попросила у него милостыню, которую он и дал ей (он всегда охотно давал), не замечая, что это его же жена, с которой он только что разговаривал. Если бы жена Достоевского знала, как оценивает психоаналитик после работ Фрейда о «психопатологии обыденной жизни» тенденции забываний и ошибок, она не считала бы для себя слишком лестными эти два эпизода.

Все же второй брак Достоевского был сравнительно счастливым, что зависело, с одной стороны, от материнских качеств его жены, с другой—от ослабевшей, вследствие возраста и творческой деятельности, интенсивности комплекса Эдипа. Когда наш писатель стал отцом, это было для него новой сильной радостью, коренящейся в бессознательной идентификации.

Любовь Достоевская рассказывает об общих гуляниях и посещениях церкви, о молитве и ве-

чернем чтении. Достоевский воспитывал своих детей так же, как отец воспитывал его.

Конец жизни Достоевского принял более спокойный характер, и этим он обязан, несмотря на свою все растущую славу, в значительной мере финансовым способностям своей жены. Только тот поймет значение этого обстоятельства, кто знает тяжелое материальное положение писателя, с которым он боролся всю свою жизнь. «Как только он открыл глаза», говорит один из его биографов, «он увидел бедных в больнице, которой заведывал его отец, и с этого момента бедность гналась за ним по пятам и была ему верным товарищем в жизни». Можно сказать, что вся его жизнь была бешеной погоней за деньгами. Когда прочитываешь его письма, переполненные рядами цифр и вычислений и отчаянными мольбами денег и снова денег, можно подумать, что он придавал им главное значение, что он любил их. Но в своих материальных затруднениях прежде всего был виноват он сам, на это обращает внимание и его дочь; она считает главной виной неумеренную щедрость писателя и говорит, что в семье и среди друзей его звали палачом денег.

И Мережковский с большой проницательностью отмечает, что бедность Достоевского, как она ни была для него мучительна, происходила не от внешних случайностей, но скорее от внутренней сущности его характера. Психоанализ подтверждает это предположение, указывая на то, что признание ценности денег принадле-

жит к внутренней сущности человека, следовательно, происходит от бессознательного и в частности от анально-эротического [1]) компонента его libido. Страсть к мотовству и беспорядочность— характерные черты анального эротика, тогда как жадность, педантизм и упрямство—качества аналэротика с сублимированным, т.-е. поглощенным аналэротизмом. Аналэротические черты Достоевского нам известны. Всю жизнь он страдал запорами, на которые часто жалуется. Во время заключения в Петропавловской крепости все его нервные ненормальности ослабевают вплоть до запоров, о которых он пишет: «Я живу теперь только касторкой». Постоянно жалуется он на геморрой. От старшего брата Михаила мы знаем, что Федор Достоевский никогда не знал, что он имел, были ли то деньги, одежда, белье или другие необходимые предметы. Доктор Ризенкампф напрасно старался привить ему немецкую педантичность и аккуратность. Он рассказывает, что Достоевский нередко, хотя и располагал крупными суммами—его опекун присылал ему довольно регулярно значительные суммы—тем не менее он постоянно нуждался. Растратив в один день две тысячи рублей на нужные и ненужные вещи, часто на следующее же утро просит он взаймы пять рублей. Здесь же следует отметить, что, кроме первого романа, Достоевский никогда

---

[1]) Анальный эротизм—сексуально-окрашенный интерес к процессам дефекции (испражнения) и его органам (anus—задний проход) и получение определенно сексуального наслаждения от этих процессов. (Примеч. переводчика).

не писал, если ему не было уже уплачено вперед. С явным удовольствием берет он аванс под свои произведения, но пишет их очень долго и никогда не кончает к условленному времени. Ему как будто тяжело расстаться со своими произведениями, которые уже готовы у него в голове, и этим часто приводит в отчаяние своих издателей. Страхов, знавший эту особенность своего друга, приписывает ее лености гения, мы же находим здесь аналэротическую черту. Анальный эротизм нашего писателя проявляется в его романах довольно часто. Например, в сцене, где Алеша Карамазов и весь монастырь частью с отчаянием, частью с живым злорадством, замечают, что труп отца Зосимы начинает разлагаться и издавать ужасный трупный запах, или в том, что убийцу отца в «Братьях Карамазовых» зовут «Смердяков» от слово «смердящий».

Припадки азарта между сороковыми и пятидесятыми годами его жизни объясняются также этим комплексом. Причиной была не только жажда денег, но и бессознательная детерминация; это ясно, так как азарт довел его до такого недостойного и отчаянного положения, что нельзя сомневаться в болезненности этих припадков. Так в Баден-Бадене он проиграл все свои деньги и пишет своему другу Майкову (1867 г.): «Я пишу только вам, не предавайте меня суждениям света. Проезжая Баден-Баден, вздумалось мне вдруг остановиться там. Соблазнительная мысль мучила меня — пожертвовать десятью луидорами, чтобы выиграть может две

тысячи франков, самое большее, что я раньше выигрывал. Еще хуже, что у меня низкая и страстная натура. Чорт сыграл со мною скверную шутку. В два дня я выиграл четыре тысячи франков с необычайной легкостью. Но главным была сама игра. Знаете ли вы, как это притягивает? Я играл дальше и проиграл. Я заложил все свои платья и платья Анны Григорьевны. Что это за ангел!»

Дальше следуют умоляющие просьбы денег. «Не покидайте меня» заканчивает он это письмо. «Бог вознаградит вас. Дайте глоток воды томящейся в пустыне душе». В этом признании прежде всего нас интересует амбивалентное отношение к деньгам. Снова и снова он бросает деньги, за которыми затем с жадностью гонится. Он раздает их чужим, совершенно недостойным людям, чтобы затем просить их у друзей, положение которых, как он хорошо знает, далеко не блестящее. Часто просит и у чужих с унизительной многоречивостью, почти с раболепным смирением, как в его романах люди, потерявшие чувство собственного достоинства—Лебядкин в «Бесах» или Мармеладов в «Преступлении и наказании». Эти пьяницы и игроки, эти «несчастные», как он их называет, отщепленные его собственного «страстного и низкого характера».

В этом амбивалентном отношении к деньгам мы находим осуществленными бессознательные желания, возникающие из комплекса Эдипа. Достоевский никогда не писал без аванса, работу исполнял неохотно и не к сроку, с удовольствием брал деньги и с еще большим удоволь-

ствием выигрывал, все это несомненно связано с бессознательным значением денег. Взрослые ценят деньги, как средство для удовлетворения своих потребностей, как средство для могущества. Иначе ценят деньги дети и невротики, оставшиеся в этом отношении инфантильными, как наш писатель, так как ребенок не знает иных денег, кроме подаренных—деньги и подарок у него соединяются в одно понятие. Дарение—акт, заменяющий у ребенка вследствие его нарцисизма[1]) объектную любовь. Первый подарок ребенка своей кормилице—его кал, который он мог бы задержать ради своего удовольствия. В основании щедрости, противоположной желанию получить подарок, не зарабатывать денег, лежит бессознательное равенство деньги = калу.

Более поздние детские желания невротиков—это иметь ребенка от матери (resp. сделать, подарить матери ребенка). Так привходит libido к бессознательному равенству: деньги = кал.

Третий член—ребенок. Иметь от матери ребенка—это бессознательное инцестуозное желание скрывается за азартом и за желанием легко, без труда и усилий получить деньги (собственно получить подарок).

Сознательная щедрость Достоевского основывается, конечно, на досознательных мыслях, связанных с возмущением против отца. Сопротивление сына изменило эксцессивную скупость отца,

[1]) Нарцисизм—отношение к себе самому, как к объекту сексуальной любви (автоэротизм), проявление сексуальности детей в самом раннем возрасте до возникновения инцестуозной любви. (Примеч. переводчика).

которой писатель имел наклонность, в стремление к мотовству; и само это сопротивление — аналэротическая черта, которую унаследовали, как кажется, не только писатель, но и его сестра Варвара и еще другая близкая родственница с отцовской стороны. Если здесь имеется болезненная склонность—она, несомненно, происходит из комплекса Эдипа.

Кроме сильного анального эротизма унаследована от отца также эрогенность ротовой области. Пьянству, кроме отца Достоевского, были подвержены оба его брата: часто упоминавшийся старший брат Михаил и самый младший—Николай. Наш писатель был очень умерен, он не переносил алкоголя, зато он очень любил сладости. Это отмечают и Страхов, и Любовь Достоевская. У него в шкафу всегда был большой запас винных ягод, фиников, фруктовых пастил и других сладостей, которыми он лакомился в течение дня. Также его предпочтение к крепкому чаю и черному кофе связано с эротикой рта. Это объясняет одну характерную особенность в творчестве Достоевского: его герои никогда не едят, в крайнем случае закусывают. И закусывают, если очень проголодаются, в каком-нибудь грязном трактире, наскоро, вообще же они принимают только лакомства, кофе и чай, иногда курят. Наш писатель был большим курильщиком.

Теперь, когда нам известны приблизительно все извращения душевной жизни Достоевского, мы спросим, была ли у Достоевского активная

и пассивная страсть к разглядыванию[1]). От него самого мы ничего не знаем, но дочь передает одну черту, не совсем согласующуюся с его характером, что он любил хорошо и тщательно одеваться, заботливо чистил свое платье, смотрел за ним и радовался, если долгое время оно выглядело новым. Потребность же богато и хорошо одеваться, как мы знаем из работ психоаналитиков—результат вытеснения эксгибионистических тенденций. Две особенности его произведений заставляют предполагать, что он подавлял, сублимировал сильную активную и пассивную страсть к разглядыванию. Прежде всего природа в его произведениях занимает так же мало места, как может быть только у Микель-Анжело. Описания природы у него очень редки. Так же во время его многолетнего пребывания за границей его почти совсем не интересует природа: пленительные виды Италии, Швейцарии и Рейнские местности он еле удостаивает взгляда. Если он и говорит о них в письме, то его восхищение совсем иного рода, местность интересует его только постольку, поскольку она напоминает ему матушку Россию или нудные, пустынные виды Петербурга. Страхов рассказывает о первой заграничной поездке Достоевского, которую они вместе предприняли, что обычно они сидели в кафе, читали русские газеты, или так громко

[1]) Употреблено в значении эксгибиционизма. Эксгибиционизм—сексуальная страсть к показыванию и подсматриванию половых органов и процессов, связанных с ними. (Примечание переводчика).

говорили о политике, что люди с удивлением оборачивались к ним. Во Флоренции писатель проводил дни и ночи в чтении «Les miserables» Виктора Гюго. Галлерею «Уффици» видел всего раз и так скучал, что Венеру Медицейскую не захотел посмотреть. Зато любил гулять в городе, напоминавшем Федору Михайловичу Фонтанку в Петербурге. Природа и ее подражание—искусство, очень мало интересовали Достоевского. Из психоаналитических работ мы знаем, что у художников стремление к изображению человеческого тела заменяет интерес (инцестуозный) к материнскому телу и что интенсивное вытеснение этого желания (инцестуозного) переносит интерес художника с человеческого тела на природу. У писателя, не интересующегося природой и ее красотами, мы находим сильное вытеснение страсти к разглядыванию. Сублимированно проявляется у Достоевского страсть к разглядыванию и любовь к обнажению в изображении душевных излияний так же, как и в большой субъективности этих изображений. Так думает Страхов, верным инстинктом заметивший, что было поистине счастьем, что сам Достоевский не замечал, как открывал самые интимные стороны своей жизни.

Рассматривая жизнь этого большого писателя в свете психоанализа, мы видим, что его характер, сложившийся под влиянием его отношений к родителям, его жизнь и судьба зависели и целиком определялись его комплексом Эдипа. Извращенность и невроз, болезнь и творческая

сила—качества и особенности его характера, все можем мы свести на родительский комплекс и только на него. Большой писатель, произведения которого освещают самые тайные побуждения человеческой души, сам был вечным ребенком, душа которого разрывалась между любовью и ненавистью, уважением и презрением, радостью жертвы и мыслью об отцеубийстве. Говорит ли он о душевных побуждениях или чувствах, о патриотизме или религиозности, все его чувства, мысли, слова коренятся или вытекают из комплекса Эдипа. Судьба человека—это его комплекс Эдипа, можем мы сказать, и в еще большей мере этот комплекс создает судьбу писателя и невротика, каким был Достоевский.

Теперь мы должны ожидать, что при большой интенсивности у писателя его комплекса Эдипа мы встретим этот комплекс в каждом его произведении, как раньше находили в каждом жизненном периоде. Изучив с этой точки зрения богатую впечатлениями жизнь Достоевского, посмотрим, оправдаются ли наши ожидания при анализе его произведений?

Достоевский выступил перед публикой, как законченный писатель. От его юношеских работ сохранились только названия. Разберем с этой точки зрения роман, написанный Достоевским, приблизительно двадцати лет. Девушкин, хотя и не герой романа, тем не менее обрисован достаточно ясно, чтобы решить, что это инцестуозно связанный субъект. Он любит, но не может желать, как и все фиксированные ком-

плексом Эдипа, вследствие этого роман кажется асексуальным. Девушка, которую он любит,— изображение матери. Она несвободна, т.-е. имеет прошлое, наложившее печать на всю ее жизнь и к которому она в конце романа возвращается. Сюжет романа—фантазия спасения (Rettungsphantasie), т.-е. героическое самопожертвование и радость жертвы для возлюбленной. Символизирование сексуальности, накладывающей, по Фрейду, неизгладимый отпечаток на личность человека, побудило сделать лейтмотивом этого романа отречение. Жест, постоянно повторяющийся у Достоевского. Тем не менее роман—очевидная инцестуозная фантазия человека, оставшегося инфантильным. Как будто писатель судит свое бессознательное и осуждает, чтобы подчиниться нравственным законам.

Не только Ибсен сознательно понял, что жизнь писателя—борьба с его комплексами, его творчество—суд над бессознательными тенденциями, и Достоевский знал это. Он чувствовал, что речь идет о комплексе писателя даже в тех своих произведениях, в которых большие сдвиги и изменения были незаметны. Так после окончания Голядкина, начиная «Неточку Незванову», он пишет своему брату: «И эта вещь будет исповедью и судом надо мною, хотя и в иной форме, чем прежняя».

Рассказы первого периода «Маленький герой», «Неточка Незванова», «Елка и Свадьба» говорят о детской эротике, так же как и об эротических чувствах взрослых. В то время, как

врачи и педагоги все еще возмущаются открытием Фрейда о сексуальности невинного детского возраста, и к тому же еще «извращенной» сексуальности, писатель изображает в «Неточке Незвановой» с неподражаемой силой и живостью нежное чувство к отцу, так же как не ускользнула от него и вытекающая отсюда амбиваленция — желание смерти другого родителя. О ее любви к отцу говорит она сама: «С этой минуты началась во мне какая-то безграничная любовь к отцу, но чудная любовь, как будто вовсе не детская... Отец казался мне всегда до того жалким, что для меня было страшным, неестественным делом не любить его без памяти, не утешать его, не ласкаться к нему... Я уже рассказала первое пробуждение мое от младенческого сна, первое движение мое в жизни (предполагается пробуждение любви к отцу). Сердце мое было уязвлено с первого мгновения, и с непостижимой, утомляющей быстротой началось мое развитие». С этого времени, когда отец, забываясь в гневе, говорил, что он снова воскреснет только тогда, когда умрет его жена, в девочке твердо поселилась надежда, что в этой новой жизни она будет занимать видное место. «Но потом, когда я поминутно раздумывала об этом, когда я свыклась с этим ужасным желанием отца,—фантазия вдруг пришла мне на помощь. Да я и сама не могла долго мучиться неизвестностью и должна была непременно остановиться на каком-нибудь предположении. И вот,—не знаю, как началось это все с начала,—

но под конец я остановилась на том, что когда умрет матушка, батюшка оставит эту скучную квартиру и уйдет куда-то вместе со мною». Затем она подробно рассказывает о своих фантастических надеждах поселиться вместе с отцом в соседнем доме, богатом и красивом, давно уже вызывавшем в ней удивление. Рассказывает она об ожесточенности инцестуозно связанных детей. «Матушка не могла так возбудить меня против себя единственно своей строгостью со мною. Нет, меня испортила фантастическая, исключительная любовь моя к отцу... Я заметила потом, что и многие дети часто бывают уродливо бесчувственны, и если полюбят кого, то любят исключительно... Таким образом, я росла в нашем углу, и мало-по-малу любовь моя,—нет, лучше я скажу страсть, потому что не знаю такого сильного слова, которое бы могло передавать вполне мое неудержимое, мучительное для меня самой чувство к отцу, — дошла даже до какой-то болезненной раздражительности. У меня было только одно наслаждение—думать и мечтать о нем; только одна воля — делать все, что могло доставить ему хоть малейшее удовольствие. Сколько раз, бывало, я дожидалась его прихода на лестнице, часто дрожа и посинев от холода, только для того, чтобы хоть одним мгновением раньше узнать об его прибытии и поскорее взглянуть на него. Я была, как безумная от радости, когда он, бывало, хоть немножко приласкает меня. А между тем, часто мне было до боли мучительно, что я так упорно

холодна с бедной матушкой... Действительно, эта чудная привязанность моя походила несколько на роман».

Мы передаем здесь (сокращенно) душевные волнения маленькой девочки не для того, чтобы показать, что комплекс Эдипа был известен Достоевскому до мельчайших подробностей, но что Достоевский узнал его в себе самом. Девочка любит своего пьяницу-отца, следовательно, здесь говорится о комплексе Эдипа самого писателя. Как мы увидим ниже, «Подросток» обсуждает ту же проблему, только здесь напротив амбиваленция мальчика является лейтмотивом.

И в остальных рассказах первого периода творчества Достоевского производится как бы суд над детской эротикой и над безнравственным отношением к детям, как к эротическим игрушкам в связи с неизгладимостью детских впечатлений, а также и над извращениями детского возраста. Таковы «Неточка Незванова», «Маленький герой» и «Елка и свадьба».

«Двойник», над которым он работал приблизительно в это же время, так же самоосуждение, как признается однажды писатель в письме к брату. Образ Голядкина возникает в наиболее печальный период его жизни, когда, после смерти отца и перед делом Петрашевского за первым большим успехом, не последовало новых. Суд над самим собою расщепляет характер Голядкина на две противоположные части. Нарцисический идеал «Я»—Голядкин II, пользующийся успехом, уважающий себя, с сильным характером, полный

жизни и враждебный основному «Я» — маленькому забитому чиновнику, лишенному радостей жизни и успеха, пользующемуся только теневыми сторонами жизни.

Осуществившийся Голядкин II—желание маленького чиновника (т.-е. самого писателя); Голядкин II достигает всего, чего хочет и никогда не может осуществить Голядкин I. Голядкину II судьба открывает все возможности, закрытые маленькому чиновнику. Работы Фрейда о нарцисизме и Ранка «Motiv des Doppelgängers» вполне оправдываются фантастическим творчеством Достоевского. Возникновению этого мастерского, небольшого произведения, которым писатель очень гордился, он обязан чувству унижения и сознанию вины невротика. Болезненная же гордость от этой повести была как бы компенсацией за чувство унижения, проявившееся в ней. Унижающая бедность, отсутствие успеха, необщительность с друзьями также повлияла на это произведение, дали подсознательный материал, но само побуждение возникло из бессознательного — из комплекса Эдипа. В конце концов Голядкин I совсем погибает от осмеянной и отвергнутой любви, его безумие объявляется публично, когда его не приглашают ко дню рождения его возлюбленной. Первая несчастная любовь ребенка, которая тем и должна закончиться, чтобы быть осмеянной и отвергнутой, и создает в невротике чувство унижения. Достоевский бессознательно понял это, когда заставляет своего героя погибнуть от неразделенной любви.

Содержание всех произведений первого периода—комплекс Эдипа, но это еще только, так сказать, увертюра. Первоначальное деяние (Urtat), как психоанализ называет отцеубийство, наказывается каторгой, после дела Петрашевского мятежник становится смиренником, но мстительные эвмениды не оставляют писателя и не дают ему покоя. Он продолжает искупать свою вину, его герои становятся обращенными нигилистами, он сам писателем антинигилизма. Таким образом, восстание против отца, наказание и искупление—это как бы тема всего его творчества, даже всех его литературных произведений вообще. С Родиона Раскольникова (1866 г.) начинается второй период его творчества, длящийся до самой смерти. Как ни сильна каждая его вещь второго периода, ни одна не дала ему освобождения от его комплекса Эдипа, как это было например с Готтфридом Келлером. В своей последующей жизни и в творчестве, когда он борется против отцеубийства, он ни минуты не свободен, т. к. стремление к первоначальному деянию никогда не было уничтожено. Мережковский и другие критики считают, что смертный приговор и ужасная инсценировка помилования причинили душе писателя удар, от которого он никогда не мог вполне оправиться; этим они объясняют все особенности и все загадочное в его творчестве. Сам писатель, вспоминает смертный приговор, как ужасное событие, так это и было в действительности. Все же эти сознательные воспоминания никогда не обладают

фасцинирующим свойством, которою имеет только бессознательное, и таким образом особенности творчества Достоевского объясняются только его комплексом Эдипа. Любовь Достоевская думает, что ее отец в Раскольникове хотел показать молодым, двадцатилетним юношам и, в особенности, студентам, до чего доводит хорошего, талантливого, даже способного к самопожертвованию человека высокомерие, самовозвышение и недостаток христианского настроения. Но дальше всего от этого потрясающего романа доморощенные педагогические намерения. Достоевский изображает грандиозную борьбу человека со своим комплексом Эдипа, который неистовствует в его бессознательном. Старая ростовщица, которую убивает Раскольников—изображает отца. Это подтверждает одна ее скупость, возмущающая молодого студента, как скупость отца возмущала писателя. Что писатель выбрал женщину для изображения отца, объясняется тем фактом, что его сестра Варвара, очень любимая им в детстве, впала затем в болезненную скупость. Несчастная, хотя и вышла замуж за богатого человека, оставившего ей несколько доходных домов, и хотя она любила и много заботилась о своих детях, жила, как последняя нищая. Раз в неделю она покупала хлеб и молоко, жалуясь и плача, когда ей приходилось открывать свой кошелек, была, наконец, убита молодым человеком, жившим по соседству, с помощью одного крестьянина. В семейных кругах предвидели трагическую смерть сестры и та-

ким образом объясняется, почему Достоевский вместо ростовщика мужчины вывел женщину [1]). Тождество писателя с Раскольниковым налицо. У Раскольникова то же преступление, что и у Достоевского, и за ним следует такое же искупление—ссылка в Сибирь. В Сибири Раскольников получает откровение, как и сам писатель. Соня изображает мать. Как мы уже знаем, для невротиков, фиксированных к матери, характерно представлять мать публичной женщиной. Снова писатель судит себя самого, чтобы сказать себе: «Смирись, ты только вещь. Отрекись».

В «Униженных и Оскорбленных» снова борется он с комплексом Эдипа. Моделью для Наташи в романе служила его первая жена Мария Дмитриевна, содержание роману дала его любовь без взаимности. Сама же Мария Дмитриевна была только материнским образом, и вот женщина, от которой он отрекается, никогда не переставая любить ее, которая не может принадлежать ему, снова только мать. «Униженные и Оскорбленные» наиболее слабый роман Достоевского. Он и сам думает потом, что герои этого романа, вычитанные из книг, люди без плоти и крови. Это осуждение правильно, поскольку оно относится к ценности романа, но виновен в этом не кто иной, как комплекс Эдипа. Что старый князь Валковский, злой отец, противостоящий инцестуозным же-

[1]) По Каплану выражение «наброситься на старую» имеет бессознательный инцестуозный смысл. См. «Трагический герой и преступник». (Примеч. автора).

ланиям своего сына, изображает отца—это ясно. Но этот отец, подавляющий любовь своего сына, изображен вследствие амбивалентного побуждения каким-то чудовищем. Слабое изображение этого почти опереточного характера происходит из бессознательного. Это крик инфантильного субъекта, для которого никакой тон не может быть слишком громким, слишком негармоничным, если нужно очернить ненавистного соперника.

Лучше всего удастся вытеснение комплекса Эдипа в «Идиоте». Красивый почерк князя, его графологические познания, его «святая болезненность», мысли о смертной казни, достаточно показывают, что он идеализированный автопортрет. Конечно, окружающие его люди, с их необузданными страстями, низким образом мыслей и непродуманными убеждениями — снова отщепления авторского характера. Его собственной дисгармоничной природе представляется гармонический, нераздельный (не амбивалентный) тип идиота, как фантастическое пожелание. Быть чистосердечным, избранным сыном бога-отца, любить его больше всего, вследствие чистосердечия и невинности, без страстей и желаний, не иметь комплекса Эдипа—вот бессознательный мотив этого своеобразного романа. Вместо активного желания обладать матерью, писатель изображает здесь сцену соблазнения (Potiphar phantasie). Страстная Настасия Филипповна, как и Аглая, снова материнские образы. Вытеснение бессознательных инцестуоз-

ных влечений здесь сильнее всего, герой как будто совсем асексуален. Долженствование отречения проявляется с полной силой. Отречение значит здесь не только отказ от инцеста, но и от сексуальной любви вообще. Инцестуозная любовь вполне сублимирована, как любовь к человеку и к ближнему. Отождествление Достоевского с Христом — явное сублимирование, в этом произведении удается лучше всего.

Тем сильнее неистовствует борьба в следующем большом романе, в «Бесах». Никакие краски Достоевский не находит слишком резкими, никакой тон слишком кричащим, чтобы заклеймить нигилизм, т.-е. возмущение против отца. Тогда как Шиллер, которому, как известно, его комплекс отца тоже доставил много работы, создает всегда героев за свободу, у Достоевского мы находим только карикатуры на героев, только отбросы нигилизма. Благородные натуры русских мучеников за идею свободы, как, например, благородный образ князя Крапоткина, для него вообще не существуют. «Книга проникнута страстной ненавистью и страстную ненависть пробуждает», говорит история литературы, однако неправильно. Ненависть против себя самого, против преступления Эдипа — вот смысл книги. Сознательную личность Достоевского, его так сказать политическое credo выражает Шатов, но в глубочайших тайниках души мы находим не только резкие выпады против политического нигилизма, но и суд писателя над атеизмом, сексуальной иммо-

ральностью нигилистов, т.-е. над самим собой. Ставрогин представляет совершенно неверующего, испорченного и извращенного богоборца, распространяющего вокруг себя смерть и гибель, делающего зло ради зла, т. к. он отщепенец, он «порвал связь с родиной», без которой не может быть на земле никакого блага.

Но что эта любовь к родной земле, к матушке России, возникает из бессознательной инцестуозной фантазии, мы уже сказали. Инцестуозное желание двигало писателем, когда он создавал образ Ставрогина; личность Кириллова олицетворяет восстание против отца. Эпилептик и мечтатель, как и сам писатель, он маньяк неверия. Человек выдумал бога—так заставляет его говорить писатель, чтобы вынести земную жизнь и ужас смерти. Кто вскроет этот обман, кто ничего не побоится и осмелится себя убить—тот сам бог.

Здесь возмущение против отца достигает сильнейшей степени. Достоевский хочет освободиться от инфантильного стремления к небесному, т.-е. к земному отцу, свободным от любви, страсти и страха, хочет отказаться от детского рая слепой веры и взглянуть в глаза сфинксу реальности. Кириллов спасается в смерти, писатель же со своим бунтом снова идет на суд и снова возвращается к вере, к детской вере в бога-отца. Но одержанная им победа только Пиррова, снова начинается борьба, т. к. его осанна идет через богохульство.

В перечисленных романах от Раскольникова

до «Бесов» борьба против комплекса Эдипа переносится на нигилизм. В «Подростке» оживает сам комплекс. Аркадий Макарович, сын крепостной и помещика, который увез ее от мужа (семейный роман), воспитывается в частном институте. Среди многих богатых учеников он один беден. Отец, правда, вносит небольшую плату за учение, но больше не заботится о мальчике. Фантазия мальчика покорена однажды виденной блестящей фигурой отца, вся душа переполнена амбивалентным отношением к отцу,—в этом содержание романа. Хотя этому роману могут быть поставлены в упрек многие недостатки, хотя манера Достоевского рассказывать, перескакивая с одного места на другое, очень дает себя чувствовать, так что этот роман надо отнести к немногим, более слабым его произведениям, тем не менее не было дано еще более блестящего амбивалентного отношения мальчика. «Каждая мечта моя»,—заставляет его говорить писатель—«с самого детства отзывалась им: витала около него, сводилась на него в окончательном результате. Я не знаю, ненавидел или любил я его».

Сознательным основанием этого амбивалентного отношения у сына было удивленное тщеславие; обычный семейный роман невротиков, оставленных отцом и воспитанных в низших кругах. Но и комплекс Эдипа дает себя знать открыто, хотя и в иной форме. Писатель превращает мать в падшую, заставляя ее полюбить Версилова и покинуть мужа. Кроме того герой

романа любит ту же женщину, что любил и его отец, и в сыне пробуждается ревность и недоверие к отцу. На тождество писателя с героем романа указывают не только бесчисленные автобиографические черты, но и основная идея, руководящая всеми поступками молодого человека. Это была идея богатства, бесконечного богатства, желание, которое было и у Достоевского из ненависти к отцу.

Это как бы непосредственное изживание комплекса Эдипа привело писателя в состояние катарсиса, его художественное творчество прекращается на несколько лет. Годы 1873—1880 посвящены почти исключительно публицистической деятельности, которая крайне субъективна—комплекс все время дает себя знать. Обсуждаются политика, события дня, судебные дела, всплывают воспоминания юности. Но вечная мелодия Эдипа слышна и в такой отдаленной области. Любовь к матушке земле, России, уважение к законам бога-царя-отца, преданность матери православной церкви, эта мелодия звучит во многих вариациях. И к этому еще отождествление русского народа с богом, избранным народом, т.-е. иначе говоря, отождествление себя со спасителем.

Как ни субъективны эти лирические излияния, эта публицистическая романтика, но такое изживание бессознательного не могло продолжаться долго. Еще раз просыпается сознание вины, и на этот раз с такой силой, как никогда еще. Писатель поет свою лебединую песнь, по-

следнюю вариацию вечной темы. Но только как основной мотив прозвучал она в трех толстых томах романа, она не была спета до конца. Кровоизлияние в легких 19 января 1881 года положило конец беспокойной жизни Достоевского. Конфликт совести появляется открыто, почти сознательно. Но только для самого писателя кончается здесь борьба с комплексом Эдипа, его образы продолжают вечную борьбу. Ему не было дано спеть Осанну, струны лопнули, когда он начал песню, и дальнейшая участь трех отцеубийц осталась для нас загадочной, как сфинкс. Возьмет ли Митя на себя крест? И если гедонизм Ивана, его скептицизм и материализм будут сломлены, станет ли он славянофилом и истинно верующим? И выйдет ли Алеша из искупительного огня жизни очищенным? История отцеубийц остается незаконченной и большой вопросительный знак стоит перед читателем. Как будто писатель спрашивает: Можно ли отречься от матери? Можно ли желать смерти отцу? Не смерть писателя последняя причина того, что роман остался незаконченным, но бессмертный комплекс не допустил бы гармонического разрешения.

Сбивающиеся с пути, извращенные, дисгармонические характеры и душевно-больные составляют призрачную толпу героев Достоевского. Ни один из них не здоров душевно, ни один не живет жизнью обычных людей. Дикие, необузданные страсти руководят их поступками, они как бы оборачиваются своим бессознатель-

ным к читателю и открывают необычайные тайны своей душевной жизни. Достоевский изображает бессознательную душевную жизнь своих героев, как будто он задолго до Фрейда открыл психоанализ, так сказать, для своего частного пользования. Его знание о тайнах человеческой души не только интуитивное знание художника; он часто сознательно высказывает истины, открытые психоанализом чуть ли не полстолетия спустя. И если эти истины добыты не строго научным путем, все же они бесконечно важны для психоанализа, т. к. истины новой науки доказываются из иного основания и совершенно иным методом. В своих работах вместе с Юнгом Фрейд полагает, что всякий, кто знает о существовании бессознательного и вытеснений, заслуживает имени психоаналитика. Достоевский хорошо знает бессознательное. В «Вечном муже», этом горьком самоосмеянии, он заставляет любовника философствовать над обманутым мужем, который вскоре после смерти своей жены, узнав о ее неверности, приезжает в Петербург, чтобы найти соблазнителя и убить его бритвой (интересно, что Достоевский называет эту главу анализом): «Если уж решено, что он стал меня резать нечаянно, все думал и думал он,—то вспадала ли ему эта мысль на ум хоть раз прежде, хотя бы только в виде мечты в злобную минуту». Он отвечает на этот вопрос очень своеобразно—Павел Павлович хотел его убить, но мысль об убийстве ни разу не пришла убийце на ум. «Короче: Павел Павлович

хотел убить, но не знал, что хочет убить. Это бессмысленно, но это так,—думал Вельчанинов.—Не места искать и не для Багаутова приехал он сюда, хотя и искал здесь места и забегал к Багаутову и взбесился, когда тот помер. Он приехал сюда, чтобы «обняться со мной и заплакать», как он сам подлейшим образом выразился, т.-е. он ехал, чтобы зарезать меня, а думал, что едет «обняться и заплакать».

Никто не схватил яснее существование бессознательного. Достоевский знал, что интенсивно действующая связь мыслей долгое время существует в душе скрытно от сознания. Бедный Павел Павлович, обманутый муж, за час до того, как он хочет убить любовника своей жены, нежно за ним ухаживает, когда с Вельчаниновым внезапно случается припадок желчных камней, подымает весь дом, согревает своему сопернику тарелки на больную грудь. Эта с юмором нарисованная сцена доказывает, как точно знал Достоевский описанную Блейлером амбивалентность невротической души. Но не только эту преувеличенную форму амбивалентности знает и описывает Достоевский. Он сам, проявлявший ее нередко в жизни, наделяет ею и своих героев. Они имеют это чувство в различных видах, дети к взрослым, друзья к друзьям, любовники к возлюбленным. Все они любят и одновременно ненавидят с одинаковой силой. Ни один из них не знает, в конце концов любит ли он или ненавидит, уважает или презирает, все они раздвоенные характеры. Везде и всегда его герои

амбивалентны. Маленький мальчик горячо любит отца, в котором он видит олицетворение всех совершенств, и в то же время страстно его ненавидит, даже презирает. Обманутый муж, заботится о любовнике своей жены, чтобы затем убить его, им же «спасенного». Этот же муж никак не может забыть неверности своей жены и, в то же время, женится вторично. Иван Карамазов одновременно любит и ненавидит Катю, которая отвечает так же, причем не может выбрать между двумя братьями, Иваном и Митей. Грушенька до последнего момента не знает, ненавидит-ли она и презирает Митю, или так любит, что готова пойти за ним не только на каторгу, но и на смерть. Настасья Филипповна любит князя Мышкина и в то же время убегает от него, ее любовник Рогожин убивает ее, чтобы овладеть ею полностью и навсегда. Аглая благоговеет перед идиотом, в котором она узнает ученика Христа, и, тем не менее, насмехается над ним.

Но эта раздвоенность распространяется и на другие чувства, кроме эротических. У Алеши Карамазова горячее желание стать монахом—и, в то же время, он сознается своему другу, что даже не знает, верит ли он в бога. Мармеладов продает последнее платье своей жены, чтобы отдаться пьянству, он доводит семью до нищеты и одновременно он нежный отец и заботливый муж. Его жена бьет своих детей, так как у нее болит сердце оттого, что они плачут с голода. Она толкает свою падчерицу Соню на улицу, в объятия проституции, делает это с горькими,

полными стыда словами и затем перед всеми защищает ее позор и целует ей ноги, когда она возвращается с пути позора. Амбивалентность маленькой девочки против матери показывает Достоевский в «Неточке Незвановой», — амбивалентность мальчика против отца и матери в «Подростке». Он знает все мотивы этого двоякого отношения—ревности, оскорбленного тщеславия и, прежде всего, ненасытной детской жажды—получить ласки от любимого родителя и быть любимым.

Детскую сексуальность, существование которой оспаривают врачи и ученые, Достоевский знает хорошо со всеми ее извращенными компонентами. В «Подростке» он заставляет маленького мальчика говорить о своей любви к отцу: «Я мечтал о нем все эти годы взасос (если можно так о мечте выразиться). Каждая мечта моя с самого детства отзывалась им: витала около него, сводилась на него в окончательном результате. Я не знаю, ненавидел или любил я его, но он наполнял собою все мое будущее, все расчеты мои на жизнь». Или в другом месте: «этот человек (отец)—мечта моя, мечта с детских лет. Я представлял его окруженным каким-то сиянием. Наконец я вынужден признаться: я люблю этого человека. И к чему я влюбился в него, раз навсегда, в ту маленькую минуточку, как увидел его, бывши ребенком. Я когда-нибудь, если место найдется, опишу эту первую встречу нашу: это пустейший анекдот, из которого ровно ничего не выходит, но у меня вышла целая пирамида. Я начал эту пирамиду еще под детским одеялом,

когда, засыпая, мог плакать и мечтать—о чем, сам не знаю. Да и вина ли его в том, что я влюбился в него и создал из него фантастический идеал». В мировой литературе нет более наглядного и истинного описания нежной фиксации мальчика к отцу, хотя этот роман и оценивается историками литературы, как слабое произведение писателя. О нежной фиксации маленькой Неточки Незвановой мы уже говорили. Ненависть и ревность к матери, стоящей на дороге вечному и полному объединению маленькой девочки с отцом, желание смерти матери, бесчувственность к ненавистной конкурентке, не смотря на угрызения совести, мечты с совместной жизни с отцом в хороших отношениях и вечном блаженстве после желаемой смерти матери, сильная, несомненно основанная на сексуальности страсть к отцу, все это дает блестящую картину детской эротики, до мелочей соответствующую открытию Фрейда.

Но Достоевский знает не только нежную фиксацию ребенка к родителю другого пола, но и первое пробуждение сексуальности к чужим, также как и эротическое основание нежности взрослых, сексуальность которой замечена аналитиками; против этого открытия неаналитики ведут все время борьбу. Маленького мальчика одиннадцати лет Достоевский заставляет говорить об опасности дурного обычая, подходить к ребенку, как к эротической игрушке: «В глазах всех этих прекрасных женщин я был ее маленьким неопределенным существом, которое они ласкали и с которым они играли, как с куклой.

Конечно, я был ребенок, не более, как ребенок. Многие из этих прекрасных женщин, лаская меня, еще не думали справляться с моими годами. Но,—странное дело. Какое-то непонятное мне самому ощущение уже овладело мною; что-то шелестило уже по моему сердцу, до сих пор незнакомое и неведомое ему, но отчего оно, подчас, горело и билось, будто испуганное, и часто неожиданным румянцем обливалось лицо мое. Порой мне как-то стыдно и даже обидно было за разные детские мои привилегии». Так же наглядно и дальнейшее изображение эротической игры, далеко не невинной, которую ведет с мальчиком чрезмерно веселая красавица. Короче, Достоевский хорошо знал и показал это в каждом своем произведении, что ребенок уже с трех-четырех лет имеет богатую эротическую жизнь, и восприимчив ко всем проявлениям любви взрослых. Эта сексуальность раннего детского возраста не только создает характер, но и надолго, даже навсегда предопределяет судьбу человека.

Тонкому пониманию снов Достоевским мы не можем не удивляться. В «Подростке» юный герой рассказывает свой сон. Он видел его после долгой болезни, и этот сон стал поворотным пунктом в его жизни и сохранился навеки у него в памяти. Входит возлюбленная—при чем в бодром состоянии он не решался признаться даже себе самому, что любит ее. Она смотрит на него с соблазняющей улыбкой, почти даже вызывающе-бесстыдно и дает ясно понять, что за документ, зашитый в платье и хранившийся

у Аркадия, содержание которого ей было очень опасно, она готова подарить ему свое расположение. «О, этот сон», вскрикивает герой, просыпаясь и со стыдом вспоминая его: «О, прочь это низкое воспоминание. Проклятый сон! Клянусь, что до этого мерзостного сна не было в моем уме даже хоть чего-нибудь похожего на эту позорную мысль. Даже невольной какой-нибудь в этом роде мечты не было (хотя я и хранил «документ», зашитый в кармане и хватался иногда за карман со странной усмешкой). Откуда же это все явилось совсем готовое? Это оттого, что во мне душа паука. Это значит, что все уже давно зародилось и лежало в развратном сердце моем, в желании моем лежало, но сердце еще стыдилось на яву, и ум не смел еще представить что-нибудь подобное сознательно. А во сне душа сама все представила и выложила, что было в сердце в совершенной точности и в самой полной картине и—в пророческой форме. Этот сон, мне приснившийся, есть одно из самых странных приключений моей жизни». Здесь Достоевский показывает, что он знает тенденцию снов—исполнять желание, регрессию, эротический характер вытесненных желаний, следовательно, все достижения Фрейдовских работ о сновидениях.

Регрессивный характер сновидений у него не редок. Так, Раскольникову в тот день, когда он решил убить старую ростовщицу, снится, что он маленький мальчик, отец ведет его за руку, а он плачет, потому что видит, как пьяный крестьянин страшными ударами кнута убивает свою

тощую лошадку. Измученный, возбужденный, просыпается он и первая его мысль: «убью ли я сегодня старуху». Как будто бы Достоевский знал не только тенденцию сновидений—спасаться от актуальных тяжестей жизни в детстве, но и правильно понимал, что во всяком случае интуитивно правильно пользовался символикой снов. Лошадь правильно взята, как символ убиваемой женщины, следовательно, в этом случае— образ отца, так как старая женщина в бессознательном—отец Достоевского.

Этот же регрессивный характер имеет и сон Дмитрия Карамазова, когда он после убийства едет к своей возлюбленной. Ему снится маленький мальчик, который горько плачет, всеми заброшенный и оставленный. Следовательно, ему снится его же детство, когда отец забросил его, оставив на попечение старого слуги.

Не только сон и невроз, но и отношение к психозам у Достоевского такое же, как и у Фрейда. В статье «Zur Einfülung des Narzismus» Фрейд говорит, что состояние больных Dementia-praecox характеризуется двумя признаками: большим воображением и полным отказом от действительности. Достоевский изображает такую больную в «Бесах». Она возлюбленная Ставрогина—Мария Лебядкина. Когда писатель представляет нам ее в первый раз, она сидит, блаженно улыбаясь, на качалке, хотя вокруг нее беспорядок и грязь. На столе перед ней лежит надкушенная булка, которую она уже несколько дней забывает доесть. Кажется, что она прини-

мает участие в разговоре гостей, но она слышит только те слова, которые связаны с ее комплексом (радость от присутствия возлюбленного). Присутствующий здесь Шатов без помехи может рассказывать о ней своему товарищу, ее интроверзия достигает такой степени, что она ничего не понимает из слышанного. Шатов рассказывает своему другу, что пьяница Лебядкин жестоко бьет кнутом больную сестру, она же, как будто, ничего не замечает и ей кажется, что ее брат не мучительный тиран, но ее слуга. Она приказывает ему принести воды, прислуживать ей, говорит с ним только повелительным тоном, хотя ее приказы никогда не исполняются, но приносят только новые мучения. Сильное воображение, как и отказ от действительности—очевидны. При этом Достоевский с неподражаемой точностью показывает, что достойное сожаления слабоумие только кажущееся, т.-е. аффективно обусловленное.

Paranoia Голядкина также мастерски нарисован. Фрейд говорит, что при мании преследования совесть, критикующее «я» воспринимается отделенным от остального «я» и враждебном ему. Эту же проэкцию делает Голядкин. Достоевский берет двойника, как коррелат к чувству унижения. Уже в первой сцене у врача мы видим, что недовольное сознание, неудовлетворенная эротика, инфантильная боязнь начальников создают мотив болезни, что воображение не случайно—Голядкин II—это совесть Голядкина I, проэцированная в действительность.

Все герои Достоевского, более или менее, невротики, но их создатель знает, что невроз, как это показал Фрейд, не имеет какого-либо специфического содержания; невротики больны теми же комплексами, которые определяют психику и здорового человека. Фрейдовские механизмы легко узнать в образах Достоевского. Если Гете мог сказать о Шекспировских типах, что они подобны стеклянным часам, механизм, двигающие колесики которых можно видеть также ясно, как и время, то об образах Достоевского можно сказать еще больше. Они открывают не только сознательные мотивы своих поступков, не только сознательные чувства, но и свое бессознательное.

Мы рассмотрели в свете психоанализа жизнь и творчество Достоевского и нашли желания, детерминировавшие его жизнь и творчество. Перед нами возникла картина маленького мальчика, немного пренебрегаемого матерью и строго муштруемого отцом. Одинокий в отцовском доме и в школе, полный сильных вытесняющих влечений, неисполнимых желаний и мыслей о богатстве, могуществе и силе, спасается он из действительности в мир фантазии, мечты, где могут быть исполнены все его неудовлетворенные желания. Из этих мечтаний возникли его произведения; их основание — эротическое влечение, их предмет — бессознательное инцестуозное желание. Жизнь и творчество Достоевского, его дела и чувства, его судьба — все возникает из комплекса Эдипа.

КОНЕЦ.